

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ОБРАЗ РОССИИ
И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ТУРЦИИ: ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Сборник статей

Москва
2007

*Сборник статей подготовлен в рамках проекта
«Образ России и русской культуры в Турции:
история и современность» по Программе фундаментальных
исследований отделения историко-филологических наук РАН
«Русская культура в мировой истории» (2006).*

Составитель и ответственный редактор **И.В.Зайцев**

На первой странице обложки использована фотография
российской посольской дачи на Босфоре в окрестностях Стамбула,
конец XIX в. (из собрания Фотоархива ИИМК РАН)

ISBN 978-5-89282-324-1

© Институт востоковедения РАН, 2007
© Зайцев И.В., 2007

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Зайцев И. В.</i> О ТОМ, КАК В XV–XX ВЕКАХ ТУРКИ НАЗЫВАЛИ РУССКИХ	5
<i>Шеремет В. И.</i> ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ И ТУРОК (XVIII–XIX ВЕКА)	17
<i>Утургаури С. Н.</i> «БЕЛЫЕ РУССКИЕ» НА БОСФОРЕ	33
<i>Ульченко Н. Ю.</i> РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ (СССР) В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА НАШЕЙ СТРАНЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ТУРЦИИ	56
Приложение. <i>«Какими вы себе представляете русских?» (данные социологического опроса Российско-Турецкого Исследовательского Центра)</i>	69

Зайцев И.В.

О ТОМ, КАК В XV–XX ВЕКАХ ТУРКИ НАЗЫВАЛИ РУССКИХ

*Эски дост душман болмас,
карт казак мусульман болмас
(«Старый друг не будет врагом,
старик русский не будет мусульманином»)
крымская пословица¹*

Русские и турки, живя бок о бок на протяжении столетий, не могли не зафиксировать в собственном сознании и творчестве противоречивые образы друг друга. Османы (как и русские) по отношению к другим народам вообще в выражениях не стеснялись. «Лаз аклы—каз аклы» (*ум лаза, что ум гуся*) — гласила, например, османская пословица о лазах — жителях юго-восточного побережья Черного моря². В османской и крымской средневековой историографии также можно найти нелестные отзывы об окружающих империю народах. Хороший материал для этого дает крымская «История хана Ислам-Гирея III», автором которой был чиновник ханской канцелярии, а потом кади, ханский историограф Хаджи Мехмеда, известный под поэтическим псевдонимом Сенаи и носивший нисбу Кыргызлы. Автор закончил труд, написанный по просьбе Сефер Гази аги, ханского везира, 1 августа 1651 г. (начат он был, вероятно, после 1648 г.). Текст, сохранившийся в копии (рукопись из собрания Британского музея под шифром Add. 7870), переписанной неким Мустафой б. Омером по прозвищу Кара Яызджи (окончил переписку 1 сентября 1681 г. в Крыму в селении

1. Пословицы, поговорки и приметы Крымских татар, собранные г.г. А.А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым (Под. ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева) // Известия Таврической ученой архивной комиссии (далее ИТУАК). Год 28-ой. №52. Симферополь, 1915. С. 55 (№476).

2. Гордлевский В.А. Замечания на «Пословицы крымских татар», изданные П.А. Фалевым. Отд. Оттиск из Записок Восточного отделения РАО. Т.ХХV. Пг., 1921. С. 30 [118].

Хан-эли — в 10 км к северу от Бахчисарая на р. Альме), написан на староосманском языке³. Сенаи по отношению к неверным употребляет термин «собака» (он вместо распространенных в турецком слов *ит* или *кёпек*, использует персидское по происхождению слово *сег*, *сеглер* во множественном числе, рифмуя его со словом *беглер*, т.е. князья, как он называет польскую шляхту⁴), часто называет противников *кюффар*, т.е. просто неверные, гяуры, или *мелаин*, т.е. проклятые). Другие крымские (крымско-османские) и казанские сочинения периода независимости ханств также весьма активно используют эту лексику. Вообще по отношению к другим народам хронисты (да и не только хронисты) не стеснялись, рифмуя этнонимы с уничижительными эпитетами. Так, по отношению к казакам употреблялось слово «упрямый, строптивый» (*казак — акк*), русским — «приносящий несчастье, гибельный» (*рус — менхус*)⁵, калмыкам — «зло сотворенным» (*калмук — бед махлюк*)⁶.

Однако существовали и вполне нейтральные определения. Для обозначения жителей современной территории России турки использовали несколько терминов: *москов* (*москоф*), *рус* (*урус*) и *казак*. Термины эти различаются как с точки зрения хронологии, так и исходя из их реального этно-политического содержания.

Когда же произошла первая встреча двух народов и как это отразилось в источниках? Первый официальный дипломатический контакт между Москвой и Стамбулом состоялся в 1492 г.⁷ Вызван он был торговыми интересами обеих государств. Вероятно, первым обозначением жителей территории России у турок был этно-политоним *москов*. Для османов московские правители, великие князья, с начала установления отношений между двумя странами являлись *Москов беги* (*московский князь*), затем *Москов кралы* или *Москофлулар кралы* (т.е. *Московским королем* или *королем москвичей*). Страна же его называлась *вилайет-и Москов* (т.е. *страна* или *область* Москвы)⁸. Вероятно именно поэтому в одной из грамот Баязида, отправленных в Москву и датированной ноябрем 1496 г. с удовлетворением отмечалось желание великого князя к установлению дружественных

3. *Hadzy Mehmed Senai z Krymu* Historia Chana Islam Gereja III. Tekst turecki wydał, przełożył i opracował Z. Abrahamowicz. Warszawa, 1971.

4. *Ibid.* S. 17.

5. См. *Kurat A.N.* IV–XVIII Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara, 1972. S. 376.

6. *Hadzy Mehmed Senai z Krymu.* Historia. S. 62.

7. См. подробнее *Мейер М.С.* Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя. Проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996.

8. *Зайцев И.* Цари и падишахи // Родина. 2006. № 12. С. 56–57.

отношений между двумя государствами, но рекомендовалось обращаться к кафинскому наместнику — *шахзаде*, т.е. сыну самого султану Мехмеду. Ведь по рангу он был равен московскому великому князю.

Московский титул *царь османы* довольно долго не воспринимали именно в этом качестве. В крымско-османской переписке и в нескольких документах, посланных из Стамбула в Москву, появляется на некоторое время даже странный термин *Сары* (дословно по-турецки — «желтый»). Так в августейшем послании (*наме-и хумайун*) Сулеймана Ивану Грозному от 24 раби I 972 г.х. (30 октября 1564 г.) он называл его «*Сары Иван Москов кралы*» т.е. дословно «Московский король Желтый Иван»⁹. Это обозначение, вероятно, проистекало от неправильного понимания слова «царь» в османской транскрипции. Звука *-ц-* в турецком языке нет, он менялся на *-с-* и в изафете получалось «*сары*», вместо *цары* (позже османы стали писать *чары*, или по отношению к Екатерине II *чариче* — т.е. царица). Это особенно хорошо видно в титуле «*Москов кралы сар*». В XIX в. жители Аравии, вероятно под османским влиянием, называли русского царя «великим желтым королем»¹⁰.

Кого же тогда турки-османы называли «русскими» — *рус*?

В анонимной турецкой хронике XVI в. (рукопись из собрания бывшего Королевского областного музея в Сараеве) имеется отрывок, касающийся похода 1497 г. польского короля Яна Альбрехта на Молдавское княжество и последовавших в 1498 г. турецких нападений на Польшу. В этом тексте польский король называется *Рус-беги*, т.е. «русский князь». Дело в том, что преследовавшие после неудачной осады Сучавы польскую армию турки имели дело с отрядами, присланными Яну Альбрехту великим князем литовским Александром. «Поэтому турецкий рассказчик, очевидно, участник событий, называет всю польскую армию “русской”».

9. *Elezović G.* Iz carigradskih Turskih Arhiva Mühimme Defteri. Beograd, 1951. S.72–73; *Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch.* Les marchands de la Cour ottomane et le commerce des fourrures moscovites dans la seconde moitié du XVIe siècle // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, vol. XI, №. 3. Paris — La Haye, 1970. Осенью 1564 г., в то время, когда войска Ивана Грозного терпели поражения в Литве, и когда хан Девлет-Гирей вел большое наступление на Рязань, купец императорского двора Мехмед сообщал Портт, что польская территория ненадежна, поэтому он предпочел вернуться через Крым. Диван написал по этому поводу хану и приказал ему послать на московскую границу, где находился Мехмед, охрану и верблюдов, чтобы «доставить караван в целости и сохранности». Этот путь не был абсолютно безопасным, как об этом свидетельствует неприятный случай, произошедший с тем же Мехмедом на обратном пути, и который нам известен из императорского послания (*наме-и хумайун*) Сулеймана Ивану Грозному

10. *Родионов М.* Представление о стране как итог международного сотрудничества: Россия для стран южной части Аравийского полуострова // *Полемика* (интернет-журнал). № 2. 1 августа 1998 г. <http://www.irex.ru/publications/polemika/2/art4.htm>. 30.07.2003

В другом фрагменте из этой хроники хорошо видно, что и географически Русь — Западная Украина. «Пройдя Валахию, акынджи [т.е. воины, совершавшие набег — И.З.] ворвались в пределы Руси [т.е. Червонной Руси — И.З.]. Они взяли огромную добычу, и разорили и сожгли всю страну»¹¹.

Часть славянского населения южнорусских степей между Нижней Волгой и Доном (будущие русские и украинцы) селилась поблизости от османского Азака (Азова в устье Дона) и Кафы в Крыму, становясь, таким образом, подданными султана — *зимми* (христиане под властью мусульманского монарха). Именно поэтому часть этих *русов* под таким обозначением оказалась зарегистрированной в османских переписях упомянутых городов начала XVI в.

Османская и крымская терминология тщательно различает *русов* и *москвичей* (москалей-москов): письмо хана Менгли-Гирея на староосманском языке, которое датировано летом 1512 г., например, повествует о татарском набеге, для которого силы хана были разделены на два отряда: один совершает набег на «русских неверных» (*бир бёлюки рус кяфири-не акын эдюб*); другой — на «московитских неверных» (*бир бёлюки москов кяфири-не гидюб*)¹². В этом (да и других) текстах «русские» — рутены (современные русины) или украинцы Восточной Галиции или так называемой «Червонной Руси», среди которых татарам неоднократно случалось брать пленных — «русский полон» (*рус эсирлери*).

Однако сам термин *рус* в османском словоупотреблении являлся недостаточно конкретным. Поэтому иногда сложно определить точно этническое происхождение тех свободных людей или рабов, которых называют так в источниках. В одном из списков «ремесленников двора» падишаха (*эхль-и хиреф-и хасса*), датированном 1526 г., среди 590 человек упомянуто 32, к которым применен именно термин *рус*. Среди них двое портных, три ювелира, три ткача шёлка, один меховщик, один изготовитель сабель, один изготовитель лезвий, два изготовителя стрел, один изготовитель луков, пять слесарей, три изготовителя аркебузов, один оружейник, шесть ткачей парчи, одна прачка, один изготовитель перчаток и даже один ... изготовитель музыкальных инструментов. Двое из них попали во дворец ввиду их умений; шесть других ремесленников, привезённых

11. Олесницкий А. Первые боевые встречи в XV в. турок-османов с Русью (По архивным материалам Юго-славянской Академии наук в Загребе и Королевского областного музея в Сараеве) // Записки Русского научного института. Белград, 1933. Вып. 9. С. 121–122. См. также Семенова Л. Е. Из истории молдавско-польско-турецких отношений конца XV в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 48, 50.

12. Le khanat de Crimée dans les archives du musée du palais de Topkapı. Paris, 1978. P. 101–103.

во дворец Сулейманом, вероятно, поступили к нему на службу в то время, когда будущий падишах был правителем санджака Кафы, и являлись, таким образом, выходцами из соседних с Крымом областей. Десять других были до этого рабами различных знатных людей или купцов; двое были из числа 1/5 доли добычи, которая предназначалась правителю после военного похода (*пенджик*); пять попали к нему как подарки (*пишкеш*). Семеро оставшихся были куплены казной. Возможно, большинство из этих *русских* рабов были захвачены во время татарских набегов на пограничные территории Московии и Польши. Об одном из них — *руссе* Хасане, лучнике, указывается, что он достался казне после смерти своего предыдущего хозяина, *аги азабов* Аккермана (Белгорода Днестровского), что позволяет предположить, что речь шла о русине или украинце¹³.

Начиная с середины XVI в. в Стамбуле то и дело получают донесения о смелых вылазках «зловещих русов» (*рус-и менхус*) или «русов из края войны» (*харби рус*) против османских владений: в действительности это были первые нападения донских казаков на Азак. Например, в приказе хану Девлет-Гирею от 12 июля 1552 г. были упомянуты «русы из края войны» (*харби рус*), которые каждый год появляются «во время ловли рыбы», чтобы грабить сети османской казны. В приказе кафинскому бею от 5 ноября 1556 г. речь шла о бандах под командованием «одного из неверных русов» по имени Черкес Хише, которые «уже более двадцати лет» нападают на купцов и путешественников на суше и на Дону.

В 1559 г. в докладе *кадия* Азака, основанном на сведениях, «дошедших от ногаев», сообщается о вторжении «3 000 казаков, прибывших от русов» (*рус джанибенден нюзуль этмиш тахминен уч бин микдари казак*). Вероятно, каких-либо серьезных отличий между *казаками* и *русами* османы в то время не видели: в 1574 г. в связи с нападениями на Аккерман, османские власти будут писать о *рус кяфирлери* или о *рус казаклары* (т.е. русских неверных или русских казаках) по отношению к одним и тем же действующим лицам.

Любопытно, что сам термин *казак* тюркского происхождения и встречается еще в знаменитом памятнике конца XIII в. *Codex cumanicus*. Обозначал он вора, разбойника, бродягу, авантюриста или же легко вооруженного солдата, быстрого всадника, возможно, грабительский авангард, а также почтового курьера. Существовало даже выражение *казаа чикмак* (т.е. по-русски *казаковать*), обозначавшее уход в степи султана-чингизида со своими спутниками (*нѣхѣр*) или простого главы клана, устранившегося, по крайней мере, временно его соперниками.

13. *Uzunçarşılı İ.H Osmanlı sarayı'nda Ehl-i hiref (Sanâtkarlar) defteri // Belgeler*, XI, 15, 1981–1986. Ankara, 1986. S. 23–76.

В 1559–1560 гг. во время набегов на Азак союзника царя, казаков и черкесов Дмитрия Вишневецкого теряется различие между *рус* и *москов*: в актах дивана могли быть использованы оба термина. Это интересное исключение из правил французский тюрколог-османист Ж. Вайнштейн пытался объяснить тем, что союз между этими силами породил у турков некоторое смятение и дезориентировал их. Хотя скорее такое смешение терминов было способом оскорбить *московита*, уподобив его русу, ведь он прекратил быть привычным уважаемым партнером и стал «противником, сообщником разбойников». Появляются обороты вроде «рус, который является *беем* Москвы» (*москов беи олан рус*), а *проклятый* Дмитрий Вишневецкий, прежде известный Порте как «один из *беев* короля Польши», сам отныне рассматривается как «проклятый по имени Димитраш из зловещих *русов*» (*рус-у менхусдан Димитраш нам лаин*). Двойственность прекращается после прибытия московских послов в Кафу, объявивших, что царь отныне отказывается от совместных действий с Вишневецким. Когда султан, который принял это к сведению, продолжает клеймить «бунтарские идеи и иллюзорные планы как труса Димитраша, так и проклятых русов, черкесов и других врагов», становится ясно, что термин *рус* вновь применяется только к одним казакам¹⁴.

В османской канцелярии в течение всего XVI в. наблюдается немалая путаница, когда заходила речь о различии и точном происхождении казаков. В документах различаются «московские казаки» (Москоф казаклары), под которыми понимаются в основном донцы, которых османы считали подданными «московского короля»; «польские казаки» (*Лех казаклары*) и «русские казаки» (*рус казаклары*) — не очень точный термин, который применялся к украинским казакам. Возможно, название *Лех казаклары* касалось скорее реестровых казаков и в общем тех, что жили на правом берегу Днепра, которые более или менее были подконтрольны польской короне. Выражение *рус казаклары* применялось, по-видимому, больше к запорожским казакам.

И в XIX–XX вв. русских продолжали называть в Османской империи (особенно в низших кругах) «москоф» (москаль). Средневековый политоним стал этнонимом. Так, например, русский офицер Н. Клемент, оказавшийся в турецком плену в 1807 г., именно так («москов гяур», т.е. «русский неверный») передает слова турок о русских военнопленных: «мы должны были терпеливо сносить удары, и слушать как нас называли: Кюпек Гияур Москов (Собакой неверной Русской)»¹⁵.

14. *Veinstein G.* Une lettre de Selîm au roi de Pologne Sgismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569 // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.* Bd. 82. Wien, 1992.

15. *Васильев А.Д.* Записки мичмана Николая Клемента «Год в плену у турок

Однако там, где турки соприкасались с русскими близко (например, с казаками-некрасовцами или старообрядцами, жившими в стране) наряду с этим употребляли и эпитет *казак*¹⁶. Например, один знакомый будущего академика В.А. Гордлевского, некий Омер из Брусы в 1905 г. называл его именно так, хотя к собственно казакам выдающийся отечественный тюрколог никакого отношения не имел. Крымская традиция не отличается от османской. «Казакны евинде ят ашыны ашама, чуфут ашыны аша, эвинде ятма» («У русского в доме ночуй, но пищу его не ешь, у еврея пищу ешь, но в доме его не ночуй»), — гласит пословица¹⁷. В ней очень хорошо заметен религиозный смысл термина: казак-христианин.

Иногда к термину *казак* добавляли слово *сары*, т.е. «желтый» в смысле «блондин, белобрысый». Есть и вполне точно зафиксированные обозначения русских среди турков и крымских татар как «Сары урус», или «Сары Иван», т.е. рыжий (белобрысый) русский или рыжий Иван¹⁸. Впрочем, этот эпитет по отношению к русским (как эпитет «черный» — по цвету волос — по отношению к китайцам) характерен для многих тюркских народов. Среди казахов, кыргызов и каракалпаков бытуют пословицы: «Акыр заман келер алдында, кара кытай кумырскадай каптап кетер

1807 года» // Бюллетень (Newsletter) Общества Востоковедов РАН. Приложение 2: Архивные материалы по истории взаимоотношений России и Турции XVIII–XIX вв. (Вып. 1). М., 2004. С. 57, 61.

16. *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке до присоединения его к России. М., 2005. С. 216; *Гордлевский В.А.* Замечания на «Пословицы крымских татар», изданные П.А. Фалевым. Отд. Оттиск из Записок Восточного отделения РАО. Т.XXV. Пг., 1921. С. 27 [115].

17. Пословицы, поговорки и приметы Крымских татар, собранные г.г. А.А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым (Под. ред. А.Н. Самойловича и П.А. Фалева) // ИТУАК. Год 28-ой. №52. Симферополь, 1915. С. 55 (№480).

18. *Олесницкий А.* Песни Крымских турок (Текст, перевод и музыка). М., 1910 (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом Восточных языков, вып. XXXII). С.60; *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., «Рудомино», 2004. С. 196–197. Называние определенным личным именем социальной или этнической группы очень распространено в языках мира (ср. русское «Фриц» или «Ганс» по отношению к немцам, «Иван» по отношению к русским, или турецкое «Мехметчик» — ласковое прозвище солдата). Московские конские барышники на Конной площади в районе Серпуховской заставы XIX в., цыгане по преимуществу, в лексиконе которых было, однако, множество татарских слов и которые, вообще претерпели сильное культурное влияние татар (осторожней следовало бы сказать *тюрков*, вообще, т.к. это влияние было и ногайским), также использовали этот принцип: «Одно время они каждого мужика звали почему-то «Фролка». См.: *Бога-тырев П.И.* Московская старина: Серпуховская застава // Московская старина: Воспоминания москвичей прошлого столетия. М., 1989. С. 127. Возможно, это как-то связано с тем, что Фрол и Лавр считались у русских покровителями скота, в т.ч. лошадей.

(«Перед тем как наступит конец света, черные китайцы как муравьи заполнят мир») или «Кара кытай каптасы, сары орыс акендей болар» («Если придет черный китаец, рыжий русский родным отцом покажется»). Также и закаспийские туркмены, по отзывам А.Н. Самойловича, называли русских «Сары-урус»¹⁹.

Любопытно, что все эти термины — *казак*, *москов* или просто *гяур* — стали хорошо известны и в русском обществе (по крайней мере, в тех его слоях, которые были ответственны за проведение восточной — resp. османской — политики России) в период острого противостояния двух империй. Иногда эти обозначения попадали даже в интимную переписку. В 1774 г. Екатерина II шутливо пишет своему возлюбленному Г.А. Потемкину: «Прощай, Гяур, москов, казак. Не люблю тебя»²⁰. Эти эпитеты вскоре стали постоянно использоваться императрицей по отношению к «светлейшему»: «прощай, Гаур, москов, казак, сердитый, милый, прекрасный, умный, храбрый, смелый, предприимчивый, веселый»; «прощай, Москов, Гяур, козак»; «Яур, москов, казак, хочешь ли мириться?»; «Дурак, татарин, казак, Гяур, москов, morbleu»; «Гяур, Москов, козак яицкий, Пугачев, индейский петух, павлин, кот заморский, фазан золотой, тигр, лев в тростнике»; «Яур, москов, казак, волк, птица»²¹. Это обращение Екатерины к Г.А. Потемкину стало, видимо, настолько привычным для обоих, что временами императрица ставила в письмах только первые буквы соответствующих слов: «Г.М.К.» или «Впрочем же остаюсь Вам в[ерной] ж[еной] до гроба, буде изволишь; буде нет, то ты Г[яур], м[осков], к[азак]»²².

Очень стойким в османской литературе был образ русского (в целом, славянина, живущего к северу от берегов Черного моря) как большого любителя выпить. Османский дидактик и историк Мустафа Али б. Ахмед Гелиболулу (1541–1600 гг.)²³ в одном из своих сочинений привел такое сравнение:

Ehl-i keyfe kahve yeğdür zümre'-i 'urbâna şîr
Şerbet-i şekerden eyle merdüm-i zî-şâna şîr
Hayl-i Tâtâra kımız sun Rûs-ı menhûsa şarâb

19. Самойлович А.Н. Песнь о крымских событиях // ИТУАК. 1913, № 50. С. 93.

20. Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791. Изд. подготовил В.С. Лопатин. М., 1997. С. 18.

21. Там же. С. 22 и 24 (письма 10 и 16 апреля 1774 г.), с. 61, 65, 74 (июнь 1775 г.); с. 85 (1775 г.). В 1775–76 г. влюбленные настолько переписываются, используя условные знаки наподобие арабского письма — вязи (Там же. С. 86, 105).

22. Там же. С. 27 письмо от 8 мая 1774 г.) и 64.

23. См. о нем: *Fleischer C.H.* Bureaucrat and Intellectual in the Ottoman Empire. The Historian Mustafa Ali, 1541–1600. Princeton, 1986.

Cümleden yeğdür mükedder meşrebe ammâ ki kîr
Kâzîya şer‘î müselles rind-i sâlûse ‘arağ
‘Âşika sahbây-ı ter zühhâda âb-ı dil-pezîr²⁴.

Смысл стихотворения приблизительно таков: «мусульмане» (точнее «люди удовольствия») — приверженцы кофе (он незадолго до написания этого произведения стремительно завоевал Османскую империю), татары — кумыса, а «приносящие несчастье» русские — вина.

Между прочим, представление турков о русских как о больших пьяницах можно встретить и значительно позже. В записках русского офицера А.Г. Розалион-Сошальского, который побывал в турецком плену в 1828–1829 гг., находим: «Едва мы возвратились, как явился болгарин с двумя огромными кувшинами водки и вина, и объявил, что такую порцию мы будем получать поутру и ввечеру. Взглянув на величину сосудов, мы заключили, что турки считали нас большими пьяницами. Много раз во время нашего похода в Константинополь, мы имели случай сделать то же заключение. Употребляя вино только украдкой, и следовательно тем с большим удовольствием, турки думают, что тот, кому незапрещено его пить, должен уметь наслаждаться этим правом вполне»²⁵.

Вообще, надо сказать, что даже столь резкие выражения по отношению к русским не исключали доброго отношения простых (и не очень) османов к русским, когда судьба сталкивала их вместе. Атмосфера доверия друг к другу имела место даже во времена военных столкновений между Россией и Турцией. Война не исключала чисто человеческого сочувствия. Иногда даже острые выражения попадали в контекст, в котором становились своего рода поощрениями. Кол-агасы Хасан, присматривавший за русскими пленными, видя их пляску, восхищался: «Восторг его не имел границ; он истошал (так в тексте! — И.З.) нам свои похвалы, выражая их словами: “Шайтан Москов, чок шайтан! Геп белир (русские настоящие черти, все знают)”»²⁶.

С другой стороны М.И. Кутузов (1745–1813), описывая в одном из писем дочери (29 октября 1812 г.) ужасные страдания отступающих французов, признавался: «Я часто плакал из-за Турок, но ... из-за Французов не проливал ни одной слезы»²⁷.

24. Şeker M. Gelibolulu Mustafa ‘Âlî ve Mevâ‘idü’n-nefâis fî-kavâ‘idi’l- mecâlis. Ankara, 1997. S. 332.

25. Розалион-Сошальский А.Г. Записки русского офицера бывшего в плену у турок в 1828 и 1829 годах. Харьков-Киев, 2006. С. 19.

26. Там же. С. 91.

27. Князь М.И. Голицев-Кутузов-Смоленский. Письма к его дочери графине Е.М. Тизенгаузен, во втором замужестве Хитрово. 1803–1813 // Русская старина, 1874. Ч. 10, кн. 6. С. 371. Цит. по: Солпенков С.В. Дорога в Арзрум: россий-

В XVIII—XIX вв. в представлениях народов Османской империи Россия — православная страна и традиционный соперник и враг османов. Более того, иногда в Османской империи забывали, что в России живут не одни только христиане и далеко не одни только русские. Все они определялись одним термином — *москоф*. Еще один будущий академик-востоковед А.Е. Крымский, в жилах которого не было ни капли русской крови и который считал себя украинцем, писал из османского Ливана в конце XIX в., что единственным обозначением для человека из России было *москоби* (по-арабски — *московский*). «Один мусульманин-неараб, турок, справился тут у меня, — писал он, — где я научился по-арабски. Я сказал, где и прибавил, что восточные языки преподаются также в Петербурге и в Казани. «Как, разве Казань принадлежит русским?» — изумился хаджи. «Ну да». — «Но ведь там жители мусульмане». — «Так что ж. Под властью России живет много миллионов мусульман». Турок отказался мне верить»²⁸.

Строго говоря, турок с которым беседовал А.Е. Крымский, в своем заблуждении был очень логичен. Отношение подданства мусульман по отношению к христианской власти теоретически в исламе недопустимо. Поэтому едва ли не единственной не порицаемой причиной пребывания мусульманина в христианской стране являлся выкуп пленных собратьев по вере. Да и вообще хороший мусульманин среди христиан жить не будет. Неслучайно И.В. Виткевич в своих записках о Бухарском ханстве (1835—1836 гг.), упомянул фразу из разговора с бухарским кушбеги, его ответ на упрек Виткевича, что в Россию в качестве послов отправляются невежественные и недостойные люди: «Кушбеги отвечал мне, что каферы, неверные, не достойны лучших послов, и что для мусульман было бы предосудительно посылать к нам хороших людей. Оттого-то, возразил я, дела ваши идут так плохо; вы презираете людей, которых презирать не имеете никакого права, кичитесь и чванитесь сами собою и сами за то терпите.

ская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000. С. 97. Следует отметить, что М.И. Кутузов туркам сильно симпатизировал. В 1793—1794 г. он выполнял посольскую миссию в Стамбуле и всегда требовал справедливого урегулирования конфликтов между Россией и Турцией. В октябре 1793 г., он, например, писал Каховскому: «Прошу Вас ... по справедливим от турецких подданных жалобам давать скорое удовольствие и на справедливые отвечать немедленно, дабы Порты не имела случаю упрекать Министерство несохранением доброго соседства». И Кутузову удалось завоевать доверие турков. В марте 1794 г., накануне отъезда Кутузова в Россию начальник монетного двора Юсуф-ага говорил, что все, начиная от султана и кончая последним чиновником, остались очень довольны послом, его безупречным и благородным поведением. (см. *Эльтерман И.М. Посольство М.И. Кутузова в Турцию в 1793—1794 гг. (Из истории русско-турецких отношений в конце XVIII века) // Вопросы истории стран Востока. М., 1958. С. 115).*

28. *Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896—1898). М., 1975. С. 289.*

У царя нашего под рукой более мусульмане, чем во всех ваших ханствах, вместе взятых; но они живут свободно, исповедуют веру свою, равно как и ваши подданные пользуются у нас совершенною свободой. Он засмеялся и находил это все в порядке вещей; как же неверный может не оказывать правоверному преимуществ»²⁹. В 1676 г. кабульский наместник Мукаррам-хан говорил московскому послу в Индию Мухаммад-Юсуфу Касимову: «да и вера де русская иная, и им де, бусурманом, с христианы в дружбе быть неприлично»³⁰.

Такое же мнение разделяли и турки. Автор «Цареградских писем» (1789 г.) П.А. Левашов (в 1763 г. он был назначен российским поверенным в делах в Стамбуле) замечал: «обыкновенно турки принимают оказываемое им христианами снисхождение, и когда сии их пленных хорошо содержат, не причитают сего их великодушию, но говорят, что сила святости их закона не допускает неверных им вредствовать»³¹.

Однако, и Османскую империю населяли далеко не только турки-мусульмане, но и христиане, многие из которых воспринимали Россию как оплот восточного христианства. Русский консул в Ване надворный советник С.П. Олферьев осенью 1912 г. совершил путешествие по землям несториан в районе современной турецко-иранской границы. Он встретил там крайне приятное отношение османских подданных несториан к России: например, вместо «русский царь», они говорили «наш царь», а местные курды, ненавидевшие турок (они называли их словом пис — грязный) даже просили его, чтобы русский царь помог образовать там «курманджи бейлик» («курдское княжество») под русским протекторатом³². В августе 1897 г. упомянутый уже А.Е. Крымский слышал от одного православного священника в Ливане: «Он у меня справился «Когда же Россия начнет войну с Турцией? Ведь двадцать лет от последней войны уж подходит к концу». — «Ну так что же», спрашиваю я. «Как что же?! Да ведь есть в России закон Петра Великого, даже не закон, а просто завещание («васыйие»), по которому русские цари обязаны воевать с Турцией в каждые двадцать лет промежутка»³³.

Таким образом, в турецком языке, начиная с момента установления дипломатических контактов между Москвой и Стамбулом в конце

29. Записки о Бухарском ханстве. М., 1983. С. 109.

30. Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. С. 359.

31. *Левашов П.А.* Цареградские письма о древних и нынешних турках... // Путешествие по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. С. 60.

32. Архив РАН, ф. 688, оп. 6, ед. хр. 18, л. 45, 62.

33. *Крымский А.Е.* Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975.

XV в., по отношению к собственно этническим русским, а потом и ко всем жителям страны вплоть до начала XX в. употреблялся термин *москов* (*москоф*). Термин *рус* применялся, по меньшей мере, до XVII в., как обозначение населения современных Украины (русины, рутены) и южно-русских степей (часто в этом случае становясь синонимом слова *казак*). С XVIII в. в официальных османских документах он стал обозначать население России (*Русие*), однако в просторечии не заменил термина *москов*. Османский термин *казак* поначалу был вполне адекватен соответствующему русскому слову, но позже стал обозначением русского вообще особенно среди этнических турок (т.е. не в арабских провинциях империи) и в Крыму. Последнее обстоятельство было связано, видимо, с казацкими набегами на территорию Османской империи и Крыма, а также активному участию казаков в русско-турецких войнах.

Шеремет В.И.

ВЗАИМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ И ТУРОК (XVIII–XIX ВЕКА)

«Состояние народа турецкого, — писал в 1703 г. русский посол в Стамбуле П.А. Толстой, — суть гордое, величавое и славлюбное, а паче возносятся от того, что во время кровавых войн союзу ни с кем для помощи себе не имеют и не требуют». Посла поражала одна особенность этого народа — склонность, как он писал, к «междоусобному государственному смятению» и то, что турки «глаголют о себе, яко суть народ свободный, чего ради и высочайшие их особы имеют к подлому народу ласкательство и склонность не так от любления, как бояся от них бунту»¹. Такое восприятие южного соседа доминировало в России по крайней мере до середины XIX в., отголоски его можно проследить и в более позднее время.

Обоюдное знакомство и установление постоянных русско-турецких культурных связей, которые только и могли дать сравнительно верную зарисовку образа соседнего народа, было на протяжении веков спонтанным и совершенно нерегулярным вплоть до 1920-х гг. Различия не столько этнорелигиозного характера, хотя и это весьма важно, сколько военно-политического: геополитическое противостояние в бассейнах сразу трех морей — Азовского, Черного и Средиземного, включая, естественно, Черноморские проливы, долго определяли характер отношений господствующей нации Османской империи и коренной народности России.

Искажающим фактором в развитии русско-турецких отношений было влияние дипломатии западноевропейских держав, игравших на противоречиях Московии и Туркомании, России и Османской Турции; сказывались также годы воздействия фанариотского драгоманатства и греческого клира на выработку «русского курса» Высокой Порты. О таких людях, сознательно искажавших взаимные представления и в России, и в Турции, упоминал П.А. Толстой. Они, «сшивая ложь, много писали к Москве неправды, являясь, якобы доброхотствуют (так в тексте. — В.Ш.) христи-

1. Русский Посол в Стамбуле. Документы. М., 1985. С. 37.

анскому государю, а самой вещию желали добра туркам...» Писаниям их верили и в Москве, и в Стамбуле, а все было ложно и фальшиво².

Объективные потребности двух соседних государств в общении создавали предпосылки к взаимному познанию особенностей государственного устройства, особенностей жизни и культурно-психологических особенностей. Процесс этот был длительным, противоречивым, но неуклонно последовательным и имел форму преимущественно культурных связей. Первые известия на Руси о тюркском населении Малой Азии восходят к XII в. и содержатся в «Повести временных лет» и в «Житии и хождении Даниила, русской земли игумена». Ордынское правление в русских землях привнесло на столетия обобщенное негативное представление зла о всех тюрко-монголах, включая не имевших с Ордой ничего общего сельджуков и турок-османов Малой Азии. Турки-османы в качестве соседей и объекта внимания московских великих князей появились в конце XIV — начале XV вв. в контексте борьбы Византии с тюркскими бейликами (княжествами). Немногочисленные паломники духовного звания, проходившие через османские территории при посещении Святых земель в Палестине, оставили крайне скудную информацию о турках, причем отношение к ним формировалось под влиянием местных христиан-греков и было примитивно отрицательным³.

Достоверных сведений о том, как воспринимались русские в Сельджукском государстве, в Конийском султанате и при первых Османах, турецкие хроники не содержат. Перелом наступил после падения Византии и захвата Константинополя турками в 1453 г⁴. Присоединение Крыма к Османской империи вскоре за этим, в 1475 г., вывело русских и турок на прямые и постоянные контакты, причем массового уровня. Имело место перманентное вооруженное противоборство в контактных зонах и нерегулярные торговые связи прямого и транзитного характера. Носителями информации о турках, об их нравах и обычаях стали уже не отдельные пилигримы с их туннельным видением ситуации, а реалистичные предприимчивые торговцы, посещавшие весь балкано-малоазийский регион, а также воины русских пограничных засек, постоянно сталкивавшиеся с турками и «навещавшие» их земли не менее регулярно и с теми же целями, кроме захвата рабов, что и турецко-крымское воинство. Сохраняют

2. Там же. С. 38.

3. См., например: Хождение инока Зосимы (1419–1420) // Православный палестинский сборник. СПб, 1889, т. 8, вып. 3; *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе, 1973. С. 15–18.

4. Падение Византии и Царьграда вызвало жизни целый пласт письменности — повести и сказания, которые выходят за рамки моей статьи. См.: *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Л., 1982. С. 31.

значение как источник представлений о турках-османах записки русских священнослужителей, регулярно посещавших после 1453 г. Патриарха в Константинополе.

В нравах и обычаях Туретчины, ставшей после вхождения Крыма в империю Османов не столь отдаленной, русских купцов и воинов поражали прежде всего склонность турок к «возмущениям государственным и бунтам, творимым не иначе как по совету и попушению духовных», то есть мулл, имамов, дервишей — исламского клира. Сильно удивляло тогда русских полное воздержание турок от пьянства, которое «честные особи из турок почитают за грех и за стыд». Отмечалась скромность и упорядоченность быта простых турок, верность взятым на себя долговым обязательствам; настораживало неискоренимое чувство превосходства над любым иноземцем.

Лица посольского и церковного дела отмечали в Турции прежде всего великое утеснение греков и «вкоренение превеликого перед собой страха в сербах, волохах, греках и прочих народах». Примечательно, что «страхолюбие турок» по отношению к подданным — балканцам в записках мирян является следствием безмерного стяжательства придворных верхов, янычарских начальников и самих султанов, порождением и неизбежностью бесчисленных войн, смут и мятежей в турецкой земле. В записках этого же периода XV—XVI вв., исходивших от духовных особ, все историко-этнографические сведения об османских турках сводились к «бессерменству» и к «угнетательству» христианства как проявлению кары Всевышнего.

Исключением среди таких трудов можно назвать «Проскинитарий» строителя Богоявленского монастыря Арсения Суханова. Один из образованнейших людей XVII в., ведавший одно время Московским Печатным двором, А. Суханов настолько увлекся богатой культурной жизнью турецкой столицы и нескольких крупных городов в Анатолии и на Балканах, что, будучи там в 1651—1654 гг., собрал около пятисот ценнейших османских хроник и оставил исполненное уважения и симпатии к жителям описание селений, городов, нравов и обычаев турок. Людей, в его трактате, «прямых, честных и гостеприимству приверженных до крайности»⁵.

Исключительное трудолюбие в сочетании с «неукротимостью в изъявлении свободомыслия и ратной дерзости до беспамятства» отметили у османов купцы Ф. Котов (1623) и В. Гагара (1634—1637). Житель Казани, русский, прекрасный знаток разговорных тюркских диалектов и, кажется, староосманской письменности, Василий Гагара, вероятно, первым дважды проделал путь, пересекая всю Малую Азию. Человек лю-

5. Православный палестинский сборник. СПб., 1888, т. 7, вып. 3.

бознательный и хорошо знавший исламские обычаи, В. Гагара пешком прошел по самым глухим уголкам Анатолии, не скрывая ни своего христианства, ни цели путешествия — Святая земля. Встречал он, как пишет, «людишек разных, но более — добрых и совестливых, сильно удивлявшихся гостю из далекой Московии». В его записках звучит удивление, сколь же мало знают турки, за исключением прибрежного Синопа и побережья Черного моря, о России. Полагают ее расположенной вокруг Северного полюса, всегда заснеженной, дикой и... голодной.

Василия Гагару везде потчевали «славной ягнятиной и фруктами, богатыми дарами турецкой земли в изобильности»⁶. Не поэтому ли brave казанец шел по Турецким землям больше трех лет?

В иной ситуации — не гостем, уважавшим язык и обычаи (заметьте, что и В. Гагара и Афанасий Никитин, о котором я не пишу по его общеизвестности, будучи среди мусульман, строго следовали бытовым предписаниям шариата, держали, например, пост в месяц рамазан и т. д.), оказался русский аноним XVII в., боярский сын, некий «рейтар», взятый в плен крымчаками и проданный в рабство туркам. Гребцом на галерах, а затем в армейских отрядах он за 62 месяца пребывания в Османской империи побывал в сущности везде — от Белграда до Багдада. Его «Описание турецкой империи», естественно, носит соответствующую эмоциональную окраску — автор воспринимал турок как врагов и в конце концов бежал на родину.

Географические и этнографические сведения «рейтара» были использованы современниками — военными в целом; они содействовали формированию образа опасного противника, особенно в делах осадных и оборонительных. Этот военный человек одним из первых в России развенчал образ непобедимого и страшного янычара. Он отмечал, что многие янычары плохо обучены и больше думают о семье и о пропитании, чем о ратном деле. Зато он предупреждал современников, что очень опасны в сражениях хорошо подготовленные части из балканцев — босняков и арнаутов (албанских мусульман).

Военные столкновения с османскими войсками в конце XVII — первой половине XVIII в. полностью подтвердили эту оценку: боснийцы и арнауты — противник бескомпромиссный на поле битвы.

Официозные представления о южном соседе давала рукописная газета «Куранты», издававшаяся с 1621 г. в Посольском приказе Москвы. Сведения об Османской империи в ней помещались главным образом почерпнутые из европейских источников. Малая их достоверность

6. Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары. 1634–1637. Православный палестинский сборник. СПб., 1891, т. 11, вып. 3.

и чрезвычайно узкий круг лиц, которые могли ознакомиться с «Курантами», практически лишали газету возможности воздействовать на формирование образа турка-османа в русском обществе⁷.

В целом в допетровской России отношение к соседнему народу сложилось как бы в двух измерениях. Религиозное сознание русского общества и мощное давление монголо-тюркского социума в XIII–XIV вв., затем крымско-(татарско)-турецкая экспансия в отношении Юга и отчасти Центра Московского государства в XV–XVII вв. определили преимущественное восприятие турка чужаком, злонамеренным и безбожным. Сказывалось, безусловно, влияние исторического опыта славян Балканского полуострова, попавших под османское иго, остро воспринимавшееся русскими по аналогии с монгольским, от которого они избавились всего лишь при жизни прадедов. Вместе с тем выше отмечалось позитивно заинтересованное и достоверное осмысление образа соседа. У истоков этого стояло русско-тюркское двуязычие Киевской Руси как следствие широко распространенных смешанных браков⁸.

Великая Степь, ее языки, нравы и обычаи не были чужды восточным славянам. В свою очередь славянский мир не был чем-то совершенно закрытым для тюркских военно-политических объединений раннего средневековья. Однако социально-психологическая интравертность османского исламского общества и деление населения мира на тех, кто мусульманин или покорился миру ислама — «дар уль-ислам», или неверный, а значит объект завоевания, покорения — «дар уль-харб» создавали особые препятствия для овладения турками-османами языком северного соседа, знаниями о нем.

В торговом обмене турки-османы мало участвовали до XVIII в., это делали греки, армяне, евреи. Ходоки из России на Восток (в Иерусалим, на Афон), а также русские купцы и дипломаты несравнимо чаще посещали османские земли, чем турки — Московию. Знание турецкого языка русскими не шло ни в какое сравнение со знанием русского языка в Турции: в отличие от сербского, распространенного делопроизводственного языка Высокой Порты в XV — начале XVII вв. Всем известный Афанасий Никитин вставлял в «Хождении» десятки турецких и сотни тюркских слов. Андрей Лызлов, автор «Скифской истории», знал разговорную турецкую речь и читал арабским шрифтом написанные турецкие тексты. Специфические турецкие термины, требующие для историка разъяснения сегодня, тогда включались в русские повествования без объяснений и оговорок. Среди донских и запорожских казаков, особенно в семьях смешанных браков

7. Данциг Б.М. Указ. соч. С. 36–37.

8. Кононов А.Н. Указ. соч. С. 24.

с турчанками, турецкий язык был бытовым, разговорным. Русские лучше знали и намного лучше понимали своих соседей.

Османы почерпнули первые сведения о Московии из трудов арабских и персидских авторов (первые из них побывали на Руси в IX—X вв.), из византийских произведений, достаточно популярных в образованных кругах Высокой Порты, и, наконец, посредством константинопольской Патриархии, с которой Порта поддерживала оживленные контакты через ведомство рейс-эфенди, дававшего, кроме внешних сношений, делами подданных-немусульман.

Было обстоятельство, отнюдь не дававшее туркам верное представление о соседе: после вхождения Крыма в Девлет-и алияе (1475) через обширную границу неиссякаемым потоком несколько столетий подряд прошли десятки и сотни русских невольников. Османский гребной флот в XVI—XVII вв. был укомплектован почти исключительно русскими гребцами-рабами. На рынках Стамбула русские рабы, по свидетельству европейских путешественников этого же периода, составляли большинство. Много полонянок и рабов-мужчин попадало в Малую Азию на домашнее услужение и на земледельческие, в первую очередь безумно тяжелые ирригационные работы. Всех их ждала скорая гибель, либо ассимиляция с потерей веры и языка. Видимо, нет среди сопредельных русскому народу наций, в которую влилось бы больше восточнославянского генофонда, чем турок-османов.

«Аллах акбар! Только Ты, Всемогущий, ведаешь, где, в каких сражениях пали сероглазые и светлорусые янычары рядом с черноусыми и черноокими сынами русских земель...» До сих пор в турецкой народной поэзии девушка-турчанка мечтает о голубоглазом и белокуром женихе. Идеальный типаж стамбульского турка конца XIX — начала XX вв. — светлые глаза и русые волнистые волосы.

Только в 40—60 гг. XVII в. в Османской империи появилось подробное и сравнительно достоверное описание областей, населенных русскими и украинцами. Оно было составлено самым известным турецким путешественником Эвлией Челеби, который из пятидесяти лет странствий около пяти лет провел в восточнославянских землях. Он прошел путь от Крыма и Азова до Львова и Киева, был в Черкассах и Чигирине, хорошо знал ситуацию в Поволжье и Подонье. Только в отношении «страны Мужикистан», расположенной в Подмосковье, он давал фантастические сведения. Примечательно, что Эвлия Челеби первым из восточных путешественников отмечал, что русские (московиты) и украинцы (русы) хоть и очень близкие, но разные народы по языку и обычаям.

Участник крымско-турецких набегов, скованный шариатскими представлениями о злодеях-казаках, «бритоголовом народе», как он их

называл, Эвлия Челеби отдавал дань воинскому мужеству русов и москвитов, называл их «стойким, упорным и сердитым народом»⁹.

Если в Турции образ мрачного русского, упорного воина и крепкого раба не дополнялся никакими существенными чертами, а власти не поощряли развитие культурных ознакомительных контактов, то в России дело обстояло совершенно иначе.

Петр I принял ряд мер, способствовавших расширению возможности использования на государственной службе круга лиц, практически знавших язык, нравы и обычаи турок. Бывший господарь Молдавии Димитрий Кантемир стал советником царя по восточным делам и специально по его распоряжению подготовил два труда (1716, 1720) по османской истории, основанных на источниках балканского и турецкого происхождения¹⁰. Были изданы в переводе с французского Коран (1716), карты и атласы Османской империи (1722–1724), началась подготовка переводчиков («толмачей») с турецкого на профессиональной основе. Следует отметить, что зарождение при Петре I практического востоковедения, в первую очередь османистики, было нацелено на перспективу, на длительное и всестороннее изучение истории, языка, культуры, особенно «живых черт» турецкого народа.

Все же формирование образа соседа-турка в русском обществе в XVIII в. проходило не под влиянием ученых изданий, а через записки пилигримов и торговцев, то есть как и в прошлые годы.

Шесть изданий в 1778–1819 гг. выдержали и побили все рекорды тиража и ознакомительной литературы о Турции записки монаха Антиохийского В. Григоровича-Барского (Плаки-Альбова), который странствовал на Балканах и на Ближнем Востоке в 1723–1727 гг.¹¹ Религиозная нетерпимость православного монаха к исламу проходила красной нитью через всю его работу, широко распространившуюся также в списках, и добавляла негативизма в отношении к басурманам. Вместе с тем национальной предубежденности у В. Барского нет вообще. Образные описа-

9. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961; вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья, Подонья. М., 1979. Под редакцией А.Д. Желтякова. Примечательно, что в основных чертах заметки Эвлии Челеби относительно украинских земель совпадают с впечатлениями жителя Дубровника М. Гундулича, посетившего те же земли через 30 лет после турецкого путешественника. *S. Kraslić*. Dnevnik s puta u Ukrajinu i Turaku dubrovačkog poklisara harača Mata Gundulića // *Anali zavoda...* Dubrovnik. 1983, sv. 21. С. 1–23.

10. *Kunt M., Akşin S. Türkiye Tarihi. Osmanlı Devleti. 1600–1908. Cilt.3. İstanbul, 1990. С. 55.*

11. *Данциг Б.М.* Указ. соч. С. 37–39; *Витол А.В.* Османская империя (начало XVIII в.). М., 1987. С. 85–99.

ния деятельного и жизнерадостного турецкого народа читались в русском обществе как увлекательная беллетристика.

Достоверная и обширная информация о турках поступала от послов (резидентов) России в Османской империи А. Вешнякова, И.А. Неплюева, П. Толстого. Однако она мертвым грузом оседала в архивах и лишь в кратких фрагментах появлялась на страницах «Санкт-Петербургских Ведомостей», которые мало были доступны широкому читателю России в XVIII в., как и сегодня.

Екатерининские войны (1768–1791) породили обширную литературу о Турции военного характера¹². В ней все большее место занимали сведения о немусульманских подданных Высокой Порты. Образ турка — военного противника дополнялся чертами торгового конкурента в Средиземноморье и Черноморье, чертами жестокого правителя и угнетателя братских балканских народов. Традиционные формы поношения мусульман, ритуально повторявшиеся в списках и сочинениях XVI — начала XVIII вв., отступали и заменялись достаточно пренебрежительными, но нередко вполне реалистичными в применении к правящим турецким кругам эпитетами типа «неискусен в правлении», «больше имеет склонение покоиться, нежели пребывать в трудах» и т.д.

Появилась масса работ краеведческого характера в переводах с европейских языков, причем далеко не всегда тех авторов, которые бы глубоко знали жизнь турок-османов по личным наблюдениям. Тогда-то и разошлись по России фальшивые образы ленивого турка, восседающего с кальяном в окружении волнующих воображение измученного моногамией российского обывателя одалисок в прозрачных покрывалах.

В последней трети XVIII — начале XIX вв. послами в Турции служили высокообразованные дипломаты и военные Н.В. Репнин, Я.И. Булгаков, М.И. Кутузов, В.П. Томара, А.Я. Италинский. После 1794 г. развернулась деятельность Военно-топографического депо, выполнявшего среди прочих функции военной разведки России. Из посольств и от военных топографов потекли отличные по качеству и по точности зарисовки костюмов, лиц, жанровых сцен, не говоря о многочисленных атласах, картах, статистических и этнографических описаниях. Читатель России не без удивления увидел до деталей схожие костюмы и оружие запорожцев и османов, привычную для малоросса арбу с предметами обихода (сундуки, рундуки, утварь и пр.), необычайно похожими на привычные предметы быта юга России.

Переход в Османской империи от поверхностных, чаще всего через вторые руки сведений о России и впечатлений к более системати-

12. *Dimitrie Cantemir*. Historian of South East European and Oriental Civilisations. Extr. from *The History of the Ottoman Empire*. Bucharest, 1973.

ческому осмыслению процессов в стране северного соседа связан с общей модернизаторской тенденцией в политической и культурной жизни, отмеченной в правление султана Ахмеда III (1703–1730)¹³. Порте и султанам стали очевидны грандиозные сдвиги в послепетровском российском государстве. Реформы Петра I стали изучать, к опыту России начали тянуться. В 1731 г. первопечатник Ибрагим Мютеферрика в «Основах мудрости и устройства народов» упоминал реформы Петра I как образец для подражания османам.

В Османской империи послы, естественно, также представляли свои отчеты и донесения, и они служили важным источником знаний. Это чрезвычайные посольства Мехмеда Али (1740–1742), Дервиша Мехмеда Эмин-паши (1740–1742), Дервиша Мехмеда-эфенди (1755), Шехиди Османа-эфенди (1757–1758), Безиргяха Мустафы Расыха-эфенди (1793–1794). Турецкие послы были людьми живыми и общительными. Порой настолько, что, например, штат посольства Расыха-эфенди, возвращавшегося из России в исходе 1794 г., увеличился «на три младенца мужского пола, к которым выказывал отеческие знаки внимания» молодой посол, понравившийся статью и обхождением самой царице Екатерине Алексеевне, а также ее фрейлинам...

Не только балы и маскарады при дворах царей и вельмож в Петербурге поражали турецких послов. Они подробно описывали Новоладожский канал и его шлюзы (Мехмед Эмин), петербургскую верфь и кронштадтские доки (Дервиш Мехмед). Расых-эфенди оставил лучшее на Ближнем Востоке описание дороги Москва — Петербург (1793) и описание работы тульских оружейных мастерских. Подробные описания Мустафой Расыхом жилых домов, облика, образа жизни и культурных интересов российских горожан пронизаны симпатией и неподдельным интересом. Без (или почти без) традиционного поношения неверных. Примечательно, что став позднее во главе османского флота, он сохранил симпатии к России (может быть, благодаря полурусским сыновьям).

Все отчеты из России давали сведения о ней как о державе, существенно обогнавшей Османскую империю на пути военного и технического прогресса, и далеки от снисходительности отчетов XVI–XVII вв. Это вполне относится и к оценкам русских, с которыми общались османские послы XVIII в.

Эти перемены отражали существенные сдвиги, наметившиеся в османском обществе в сторону европеизации и общего прогресса. Кроме того, османская правящая верхушка в XVIII в. переплывала в себе значительное число лиц из балканской феодальной аристократии, стала более

13. Данциг Б.М. Указ. соч. С. 63–65.

терпима и к ним, и к воззрениям на соотношение светской и религиозной власти. Россия с ее мощным влиянием царя на церковь в XVIII вв. воспринималась более благосклонно, чем, например, Франция после 1789 г. с ее ужасающим, как говорил Селим III, безбожием.

Турки, оказавшиеся в России в плену, тоже писали свои воспоминания. Некоторые из них стали достоянием русской читающей публики еще в XIX в.

Большой интерес представляет сочинение Ресми-эфенди «Сок достопримечательного о сущности, начале и важнейших событиях войны между Высокою Портою и Россией от 1182 и 1190 гг. гиджры (1769—1776)». Рукопись была переведена с турецкого языка и опубликована знаменитым бароном Брамбеусом — О.И. Сенковским. Сочинение написано очень живо, остроумно, автор настроен по отношению к победителям очень дружелюбно. Победа России в войне 1769—1776 гг. побудила его повнимательнее приглядеться к стране, ее истории и народу, дать свое истолкование событий. Многое ему, человеку другой культуры, совершенно непонятно в русских, как и других европейских народах. Вот, например, одно из его рассуждений: «С некоторого времени, по дивному распоряжению Аллаха, все их короли (речь идет о российских императорах. — авт.) бывают женского рода и нынешний их повелитель, то есть Екатерина II, принадлежит, как известно, к тому же полу... Племя франков, или, как у них говорится, европейцев, чрезвычайно подобострастно к своему женскому полу. Оттого они так удивительно покорны, послушны и преданы этой чарыче...»¹⁴.

Автор старается понять, что же принесло России победу в 1774 г. Он отмечает, что русские издавна утвердили «за собой славу народа храброго и воинственного», анализирует разнообразные военные хитрости, применяемые ими, а также взаимодействие войск. Ресми-эфенди специально указывает на обычай москвитян «с пленными мусульманами не употреблять ни жестокостей, ни побоев. Гяур позволяет им жить по своему обычаю и не говорит ничего обидного для их веры; многим даже дает свободу для того, чтобы они бесполезно его не обременяли. У него нет в заводе выдавать по червонцу награды за всякого взятого пленного, за всякую голову, отрезанную, Аллах весть, где и у кого...». Особое внимание автор обращает на дисциплину в русской армии: «Надобно еще прибавить, — пишет он, — что они душой и телом привязаны к своим государям и удивительно послушны офицерам старше себя чинами: там, где их поставят, ... они стоят, как камни»¹⁵.

14. Библиотека для чтения. СПб., 1854, т. 124. С. 72.

15. Там же. С. 77, 75.

Очень ценную и разнообразную информацию о культурной жизни России и о том, как ее воспринимали образованные турки XVIII в., давали своим читателям записки Мехмеда (Мухаммеда) Неджати-эфенди, доверенного и секретаря Ибрагим-паши, командующего турецким войском (сераскера) в Крыму во время войны 1768–1774 гг., вместе с которым он находился в русском плену в 1771–1775 годах. Из них три года он провел в Петербурге, подробно описав многие стороны культурной жизни русской столицы тех лет. Его изложение дает вместе с тем представление о том, как традиционно образованный турок конца XVIII в. воспринимает культурные развлечения столичного быта, свидетелем которых ему довелось быть. Вот как он описывает, например, представление в дворцовом театре Екатерины II, в главе «О комедии...»: «Комедия значит собрание песен и стихов... Зал представления сорок аршин длины и пятнадцать аршин ширины. По обеим сторонам его устроены в три яруса ложи и друг против друга два киоска: один для кралицы, другой для ее сына. А в середине этой комнаты представляют комедии и другие игры, называемые опера... Показываются солнце и луна и звезды; идет снег и дождь, являются сады, разные города, крепости, и разные подобные этим штуки; играют музыканты. По четырем сторонам зала свечи во всех ярусах; перед каждым музыкантом горит по одному светильнику, чтобы они могли смотреть на ноты и исполнять написанную в них музыку. Такого рода вечера бывают по три, по пяти раз каждый месяц. На них тоже рассылают приглашения на особых штемпелеванных билетах, по одному для трех или пяти персон... Этот порядок установлен для всех, кто бы они ни были... Здесь обычай таков, что если кралице нравится чья-нибудь игра, то от полноты своей щедрости вместо бакшиша она бьет рукой об руку, мужчины и дамы делают то же, как будто они давали этим золото. Актеры, тоже довольные, радуются и изъявляют удовольствие, говоря: “Мы понравились кралице, она нам хлопала руками”. Это оттого, что они не знают, что такое подарки и щедрость, и бывают даже огорчены, когда им не рукоплещут. Какая неистощимая казна — эти “браво”! Таков же обычай у них, когда нужно было бы давать деньги... Назначенный к нам драгоман, когда его спросили, объяснил нам значение рукоплесканий, делать нечего — и мы били в ладоши»¹⁶. В таком же духе Мехмед Неджати писал о бал-маскарадах. «Это — бабья воркотня, но она у них считается большим искусством... Маскарад есть тоже род увеселения, для которого собираются во дворе кралицы, в трех больших залах, идущих один за другим; в хрустальных люстрах горят свечи, и различного рода увеселения продолжают до утра. Мужчины и женщины, взявшись

16. Русская старина. СПб., 1894, кн. 31, апрель. С. 202.

за руки, гуляют из одной комнаты в другую, надев на лица маски: мужчины замаскировываются женщинами, а женщины — мужчинами; на всех разноцветные платья, и таким образом любят друг на друга. Однажды и сераскер-паша был приглашен туда».

А вот как Мехмед Неджати описывает званые обеды в богатых семьях. «Кушанья готовятся из рыбы, говядины и дичи, медвежатины и раков. Сварив говядину с капустой, сколько нужно, приносят в металлической кастрюле и ставят на стол... а в нее кладут большую ложку; каждый берет стул и садится по обе стороны стола. Наложив большой ложкой капустного рассолу кислых щей с куском вареной говядины к себе в тарелку, едят; потом еще берут по большей ложке и опять едят. Точно так же едят и другие кушанья, находящиеся на столе, и пьют. Тарелки и ложки переменяют, таким образом, обед кончается часа через четыре, потому что они за столом разговаривают о делах своих. Так поступают все, будь он хозяин дома или нет, все равно. Всякий, поевши немного, встает, прохаживается, ведет беседу, потом опять приходит и ест, все равно, в своем ли это доме или друг у друга...»¹⁷.

Мехмед Неджати подробно описывает архитектурные достопримечательности Петербурга, в частности, Кунсткамеру, отмечая, что посетителей, кто бы они ни были, «охрана пропускает только по специальным билетам». Неву он сравнивает с Босфором и Золотым Рогом, подмечает разные черты хозяйственной жизни и быта города: заготовку льда на Неве для мясных и рыбных лавок, устройство домов, вывески на лавках с изображением продаваемых в них товаров, деревянные тротуары для пешеходов, свайные фундаменты домов, осветительные лампы на столбах и особые столбы на перекрестках с надписями, обозначающими «название мест, рынков и площадей; всякий видит, в какую сторону ему нужно идти; если же он неграмотный, то спрашивает у караульного».

Среди достопримечательностей Царского Села он особо отмечает янтарную комнату в Екатерининском дворце и грот.

Четырехлетнее пребывание в России, и, по-видимому, достаточная свобода общения, в том числе и при возвращении из плена в Стамбул через всю Россию (Ижора, Вышний Волочек, Торжок, Тверь, Москва, Орел, Киев, Измаил) дали Мехмеду Неджати возможность весьма подробно ознакомиться с внутренним состоянием государства. Он дает довольно точную информацию о повинностях и налогах, крепостнических порядках, организации почтовой службы и почтовых станциях, состоянии дорог, о пожарах и эпидемиях и т. д. Особое внимание наблюдательный турок уделяет рос-

17. Там же. С. 206.

сийской армии и флоту, отмечая их более высокую выучку и дисциплину, более четкую организацию гарнизонной и интендантской службы, чем это было в турецкой армии, которую Неджати оценивает весьма критически.

Таким образом, Мехмед Неджати дал разностороннюю оценку многим сторонам внутренней жизни России, и его записи можно рассматривать как ценный вклад в ознакомление турок с русскими. К сожалению, такая информация о жизни русского общества в сочинениях турецких авторов была скорее исключением, чем правилом. В целом, даже образованные турки в XVIII в. имели весьма смутные представления о России, о жизни русского общества. В Османской империи не было написано или издано ни одной специальной книги о России, не имелось ни одного перевода на турецкий с русского. Такое положение сохранялось длительное время еще и в XIX столетии.

Россия же по сравнению с Турцией в познании своего южного соседа ушла в XVIII в. гораздо дальше. В противоположность турецкому образованному слою, по существу не видевшему в России ничего, кроме военного соперника, в русской науке и культуре XVIII в. появилось отчетливое понимание необходимости изучения Востока, прежде всего Османской Турции, и были заложены важные предпосылки для расцвета отечественной ориенталистики и ее главной ветви — туркологии в XIX в.

Новый вклад в формирование конкретного образа южного соседа вложили многие сотни и тысячи паломников ко Святым местам, ученых, журналистов, писателей, дипломатов и военных России в период после Адрианопольского мира 1829 г., посещавшие Турцию практически без ограничений. Одновременно изучение османских турок в этнографическом и социально-политическом аспектах широко велось при Азиатском департаменте МИД России, в Петербургском университете (с 1803 г.), в Одессе (Ришельевский лицей), в Казани, Москве, Харькове, во многих военных учебных заведениях России. Большой вклад в ознакомление широкой общественности с правилами и бытом турок внесли Историческое, Географическое и Археологическое общества.

Постепенно все крупные журналы и газеты открыли свои представительства в Османской империи. С 1897 г. ежеквартально публиковались Сборники консульских донесений с самыми последними сведениями из жизни Турции. Национальный характер турок стал излюбленной и благодатной темой этих донесений.

Русских художников XIX в. неизменно влекло на Босфор. Несколько картин И.К. Айвазовского из его стамбульского цикла и сейчас составляют гордость национальных музеев Стамбула и Анкары. К. Брюллов, В. Верещагин, К. Петров-Водкин и многие другие художники оста-

вили изумительные по точности зарисовки быта и нравов Турции, причем практически всех слоев общества. В «Ниве», выходявшей с 1869 г., только за первые тридцать лет было помещено более двух тысяч рисунков, видов и типажей населения Турции, а также гравюр с картин художников, путевых набросков путешественников¹⁸. П.Н. Милуков, призывая к походу на Босфор в годы Первой мировой войны, заметил, что всякий русский Стамбул с его проливами знает по нивским картинкам лучше своего губернского города.

В конце XIX — начале XX в. в образе турка русское общество в более акцентированном виде, чем в конце XVIII — начале XIX вв. отмечало слепой религиозный фанатизм толпы по отношению к армянам, грекам, болгарам, другим христианам.

Довольно четко разделились в русском общественном сознании правящие круги Османской империи и простые «турки с улицы». Например, композиции К. Брюллова, посвященные простому люду Турции, характеризуясь жизненностью эпизодов, меткостью типажа, тонким пониманием национального характера, окрашены особым жизнерадостным юмором. «Своим добродушием и сердечностью они резко отличались от того сарказма, который Брюллов вложил в образы турецких вельмож и привилегированных чиновников»¹⁹. В середине XIX в. О.И. Сенковский (барон Брамбеус) писал, что «отчаянная безнравственность той части турецкого общества, в которой сосредотачивается правительство или которая состоит с ним в непосредственной связи, совершенно не подлежит сомнению. Эта часть общества в самих же турках возбуждает ужас и отвращение... В частной жизни турки обнаруживают много хороших качеств, которые приятно принять в счет даже в неприятеле. Они вообще смиренны, внимательны к удовольствию других, вежливы с чужими и... в примечательной степени честны и прямодушны»²⁰.

Через шесть десятилетий то же самое повторила журналистка Ариадна Тыркова, много лет прожившая в Турции: «Многое в них (турках. — В. Ш.) вызывало во мне симпатию и уважение, — честность простонародья еще резче подчеркивала развращенность правящих классов, чиновников, больших и малых, равно невежественных, презирающих труд физический и умственный»²¹.

18. Систематический указатель литературного и художественного содержания журнала «Нива» за 30 лет. 1870—1899. СПб., 1902.

19. *Апаркина Э.* Карл Брюллов. М., 1963. С. 150—151.

20. *Сенковский О.И.* Образование Оттоманской империи, Валахии и Молдавии // Библиотека для чтения. СПб., 1854, т. 124, март—апрель. С. 50.

21. *Тыркова А.* Старая Турция и младотурки. Пг., 1916. С. 8.

Весьма показательно, что читающая публика живо интересовалась турецким фольклором. Видимо, нравственные постулаты турецкого народа, запечатленные в пословицах, поговорках и т. д., отвечали духу русского человека. И.Н. Березин собирал турецкую народную мудрость много лет и опубликовал «Народные пословицы турецкого племени» (1856) в одном из самых массовых изданий «Библиотека для чтения». Он писал: «Посмотрим, каков должен быть идеал турка в главных очертаниях по требованию пословиц. Человек должен быть умен, добр, общителен, трудолюбив и знающ, храбр, нисколько не спешен, осторожен и приверженец середины». Как заметил другой знаток османского прошлого В.Д. Смирнов (1892), в турецком фольклоре «очень много такого, чему и мы можем сочувствовать как общечеловеческому».

Террор же в турецкой политической жизни конца XIX — начала XX вв., характерный для Османской империи времен Абдул Хамида II, сказывался на формировании образа русского — злого, мрачного, грубого, невежественного. Влияние политических установок снижало уже достигнутый в Турции уровень доверия к России, к русским людям, к другим ее народам. Даже вольная, антихамидовская печать и младотурецкая пресса высказывались, как правило, отрицательно о северном соседе. Источником менее предвзятой информации о русских стали для османов на рубеже XX в. их соотечественники, возвращавшиеся из русского плена.

Врач А.В. Елисеев, путешествовавший по Востоку в 1881 г., вскоре после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., пишет: «Во всех городах турецкого Востока мне невольно бросалось в глаза... изменение к лучшему отношения мусульман к русскому имени... Везде, где только выдавала меня национальная одежда, везде я встречал дружелюбное отношение, слышал приветствия... Война и сотни тысяч пленных, побывавших в хлебосольной Московии, с самой выгодной стороны повлияли на все слои населения империи»²². Он же во время другого своего путешествия в 1886 г. встретил трех турецких офицеров, побывавших в русском плену в 1878 г. «Все турки, — пишет А.В. Елисеев, — с неподдельным чувством выражали свои симпатии России»²³. Спустя годы об этом же времени вспоминает Ю.А. Карцев, сотрудник русского консульства в Адрианополе: «Все турецкие военные, офицеры и солдаты, возвратившиеся из русского плена, были преисполнены чувством горячей признательности за оказанное им в России гостеприимство. Симпатии наших недавних врагов могли бы стать могучим подспорьем для искусной политики»²⁴.

22. Православный палестинский сборник. СПб., 1885, т. 4, вып. 4, С. 180.

23. Елисеев А.В. По белу свету. СПб., 1896, т. 3. С. 335.

24. Карцев Ю.А. Семь лет на Востоке. СПб., 1879–1886, 1906. С. 38–39.

Империя Романовых и империя Османов приближалась к своему последнему, для обеих династий роковому столкновению в 1914 году. Впереди были мировая война и революции, революции...

Осенью 1914 г., укладывая последние бумаги к отъезду из Петербурга, ставшего почти родным за семь лет службы, османский посланник в России Ниязи Фахретдин-бей писал: «Война с Россией? Зачем? Для кого? Мы только-только начали понимать друг друга»²⁵.

25. *Шермет В.И.* Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М. 1995. С. 92.

Утургаури С.Н.

«БЕЛЫЕ РУССКИЕ» НА БОСФОРЕ

История «белых русских» в Турции началась в 1918 г., когда Добровольческая армия генерала А.И. Деникина покинула Одессу, и Константинополь — Стамбул — столица Османской империи принял первый поток беженцев¹, состоящий преимущественно из гражданских лиц. Вторая волна беженцев последовала в 1919 г., после тяжелейшей эвакуации Новороссийска и повторной сдачи Одессы. Третья, самая большая волна, пришла на 1920 г., когда Добровольческая армия, уже под командованием генерала Н.П. Врангеля, была вынуждена оставить свой последний оплот — Крым. Эвакуация Севастополя, Керчи, Феодосии, Ялты, Евпатории, в отличие от предыдущих эвакуаций, была спланирована и организована проведена с 11 по 15 ноября. Именно столько дней на корабли по спискам грузились армейские солдаты и офицеры, а также дивизии донских, кубанских и терских казаков. На борт были взяты и все гражданские лица, пожелавшие покинуть Россию. Последние корабли ушли из портов Крыма 17 ноября.

К 23 ноября 1920 г. 126 перегруженных кораблей под российскими, французскими и английскими флагами встали на рейд в Босфоре и Мраморном море в районе Мода. На них было вывезено 145 693 человека, не считая судовых команд. В том числе около 50 тысяч чинов армии, свыше 6 тысяч раненых, остальные — служащие различных учреждений и гражданские лица, среди них около 7 тысяч женщин и детей. Армию переправили на полуостров Галлиполи, казаков разместили в разных местах, включая Чатаджу, позже собрали на острове Лемнос. Следует иметь в виду, что одновременно в Стамбул непрерывно пребывали небольшие самостоятельные группы беженцев. В результате, в городе и его окрестностях скопилось до 100 тысяч российских граждан.

1. В соответствии с международной правовой классификацией в документах Лиги Наций и архивных документах так называемые белые русские числятся как беженцы.

Точное число россиян, прошедших через Стамбул, неизвестно. Предположительно — это 200 тысяч. Беженцы, располагавшие средствами и необходимыми документами, не задерживаясь, следовали дальше, в Европу. Кто-то остался на короткое время, кто-то надолго, а кто-то на всю жизнь.

Отток беженцев начался в 1921 г. Армия и казаки покинули Турцию к 1922 г. В период интенсивной миграции — это три последующих года (1923–1925) — из Стамбула и его окрестностей уехало до 60 тысяч русских. В дальнейшем беженская масса постепенно таяла, и к 1929 г. в Стамбуле осталось менее 2,5 тысяч беженцев. Те, кто остался, могли жить относительно сносно. Считается, что к этому времени их положение было лучше, чем большинства русских беженцев в других странах.

К 30-м годам значительно сократившаяся русская колония приобрела относительную стабильность. Теперь она состояла из тех, кто адаптировался к местным условиям; принял язык этой страны, обзавелся собственным делом, приобрел недвижимость или, что не было редкостью для женщин, вышел замуж за турка. Им всем, долгие годы считавшим себя русскими подданными, но вместе с тем постепенно все глубже вращавшим в турецкую жизнь, в 1929 г. была предоставлена возможность принять турецкое гражданство. Так закончилась полная трагизма недолгая история русской эмиграции в Турции.

Как известно, Стамбул не стал центром русского зарубежья, не уподобился Софии, Белграду, Праге, Берлину, Парижу, да и не мог он обрести такого значения в силу объективных исторических обстоятельств.

Вспомним Турцию 20-х годов. Это поверженная в войне, потерявшая добытые огнем и мечом на протяжении столетий обширные территории, поделенная победителями на сферы влияния, отдавшая под иностранный контроль Стамбул и Проливы — полуколониальная страна, где хозяйство и финансы расстроены, где нет политической стабильности и где полыхает национально-освободительная война во главе с Мустафой Кемалем, а последний османский султан Мехмет VI, пребывающий в Стамбуле, — лишь историческая бутафория.

И вот в эту живущую в предельном напряжении страну селевым потоком хлынули сотни тысяч беженцев — люди иной веры, языка и культуры, голодные, раздетые, ищущие и не находящие заработка. В основном это жители Москвы, Петербурга, Киева и других крупных промышленных городов и культурных центров России и Украины. Среди гражданских лиц преобладают интеллигенция, представители буржуазии, придворных кругов, государственного аппарата, интеллектуальная элита, люди искусства, образовательный уровень которых во много крат превышает средний турецкий. Даже близость России и надежда в скором времени туда вер-

нуться не смогли удержать их в стране, не располагавшей возможностью, хотя бы частично, возместить их материальные и духовные потери.

Большинство ярких представителей русской культуры совсем не задерживались в Стамбуле — он был для них лишь «первой остановкой», некоторые оставались недолго. Как, например, Александр Вертинский, Аркадий Аверченко, Тэффи или Яков Протазанов². Небольшая группа интеллигенции, возможно, не столь мощная носительница русской культуры, навсегда связала свою судьбу с Турцией. Но все вместе они смогли оставить «русский след» в турецкой духовной жизни.

Как неопровержимый факт это отмечали русские писатели и журналисты, покидавшие Турцию вслед за оккупационными силами Антанты в октябре 1923 г. Сошлюсь на альманах «На прощанье». Он выходил дважды небольшими тиражами, сначала в Стамбуле в 1924 г., а затем, в 1930 г., — в Париже. Состоит альманах из трех разделов, написанных на трех языках: русском, французском, английском и представляет собой как бы три самостоятельных сочинения под одной обложкой. Авторы — русские журналисты и писатели. Их цель — перед отъездом из страны описать жизнь русских в Стамбуле и выразить благодарность людям «всех национальностей и вероисповеданий, живущим в этом городе, за проявленные доброту и тепло». Инициатор издания альманаха журналист Б. Ратимов писал: «...как ни тяжелы были моральные и материальные условия русских беженцев, они смогли оказать заметное влияние на все слои населения разноплеменного города. Артисты, музыканты, художники познакомили стамбульцев с русской культурой, научили понимать и ценить ее и, тем самым, обогатили их духовную жизнь»³.

По словам очевидцев той поры, 1920–1924 гг. были временем, когда русские явно преобладали в Бейоглу — центральном районе города. Как замечает В.В. Шульгин⁴: «В летописях 1920 год будет отмечен как год мирного завоевания Константинополя русскими»⁵. На улице Пера

2. В течение восьми месяцев в Стамбуле работала съемочная группа во главе с Яковом Протазановым. Группа снимала фильм в Крыму, но с отступлением белой армии в 1920 г. в полном составе эвакуировалась в Стамбул, где начала снимать другой фильм «Бегство горемык» о судьбе русских беженцев с Иваном Мозжухиным в главной роли. В фильм включены документальные кадры, заснятые съемочной группой по пути из Крыма в Стамбул, позже — из Стамбула в Марсель. Фильм был закончен в Париже на студии «Montreuil sous bois» и имел большой успех.

3. *Ратимов Г.* На перепутье // На прощанье. Стамбул, 1924. С. 28–29.

4. Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — русский политический деятель, монархист, один из лидеров правого крыла II–IV Государственных Дум и один из организаторов Белого движения. Был в числе немногих высокопоставленных лиц, принявших отречение Николая II от престола.

5. *Шульгин В.В.* «Дни», «1920». М., 1989. С. 500.

(ныне — Проспект Независимости) русская речь слышалась чаще, чем турецкая. Ошеломляющее впечатление производили русские женщины. Светлолицые, голубоглазые, стройные блондинки, они притягивали к себе внимание не только своей природной красотой, но и умением непринужденно держаться, изысканно одеваться. Вообще русские аристократки привнесли в Стамбул стиль последней европейской моды: непокрытая голова, короткая стрижка «колокол», вокруг головы — тонкий шарф (у турчанок это получило название «Рус баши» — «Русская голова»), укороченные юбки клеш, на юбках кисточки из золотых нитей, пояса с бантом, стягивающие талию, расшитые жакеты. Вполне естественно, что все это не прошло мимо стамбульских модниц из аристократических европеизированных домов.

С появлением русских в Бейоглу открылись шикарные бары, русские рестораны. Их держали разные люди, в том числе и бывшие генералы царской армии. Чистые сверкающие белизной скатерти, серебряные приборы, хрусталь, строгие девушки-официантки, дамы в вечерних платьях, встречающие гостей как хозяйки дома. Тротуары перед рестораном заставлены маленькими столиками. Во всем изысканность и благородство. Как свидетельствуют современники, все это вместе взятое придавало определенный эстетизм облику всего Бейоглу.

«Белые русские» обогатили Стамбул и своей национальной кухней. Особую популярность завоевали борщ, котлеты по-киевски, бефстроганов, солянка, пирожки с капустой и, конечно же, всех видов водка, но главным образом лимонная («сары водка»⁶) и Смирновская, изготовлением которой занялся Владимир Петрович Смирнов, внук последнего поставщика этого продукта ко Двору последнего российского императора. Внешние атрибуты и блюда, конечно, имели значение, но главная притягательная сила этих кафе и ресторанов состояла в том, что они превратились в своего рода места культурного времяпрепровождения.

Легендарную славу обрел ресторан «Режанс». Его открыли, правда, несколько позже, в 1930 г. Тевфик Монарс, Вероника Протопопова и Вера Чижик. Гигантский зал, отделанный декоративным панно, элегантные официанты, отменная кухня, теплая и гостеприимная атмосфера. Говорят, здесь любил поужинать Ататюрк, проводил вечера посол Германии Франц фон Папен, захаживал и посол Великобритании. Так же как и роскошный «Пера Палас», «Режанс» стал местом частых встреч дипломатов. Шло время, менялись хозяева, горело и восстанавливалось помещение, а популярность «Режанса» не меркла. Это поистине уникальное заведение превратилось в неотъемлемую часть города, в своего рода историческую

6. То есть «желтая водка» (прим. ред.).

достопримечательность, вызывающую в памяти годы оккупации «белыми русскими» столицы Османов.

Конкурировал с «Режансом» ресторан «Карпыч», получивший свое название от фамилии его владельца — Георгия Карпóвича и, можно сказать, с легкой руки Ататюрка. Именно так уважительно называл турецкий президент русского кулинара, кухню которого высоко ценил. Но жизнь «Карпыча» оказалась не столь продолжительной, со временем, закрыв свое заведение, хозяин переехал в Анкару, где работал шеф-поваром лучших ресторанов⁷.

Напомню и о кафе-кондитерской «Петроград», о его особом статусе. Кафе находилось на улице Пера напротив кинотеатра «Сарай» («Дворец») и отчасти напоминало кафе Филиппова на Тверской в Москве. Здесь тоже все делалось на русский лад и подавалось в соответствии с русскими традициями. Хозяева, которые в Москве занимались тем же делом, как и прежде, заботились о высоком качестве, поэтому все, что ими изготовлялось, включая куличи, не знало равного в Стамбуле. Знаменитыми были и утренние завтраки: ржаной хлеб, яйца всмятку, сливочное масло, швейцарский сыр и чай в тонких стаканах с подстаканниками.

И все же главная примечательность «Петрограда», принесящая ему невероятно громкую славу, заключалась в том, что он единственный в Стамбуле работал круглые сутки без перерыва. По этой причине слово «Петроград» обрело нарицательное значение. Поздно вернувшегося домой встречали словами: «Тебе что, здесь “Петроград”, что ли?» А если опоздавший объяснял свое опоздание тем, что засиделся в духане, в ответ раздавалось: «Этот твой духан не “Петроград” же, чтобы всю ночь напролет работать».

Стамбул не знал кафе, более посещаемого, чем «Петроград». Для русских он был уголком отдыха, да и для турок местом приятного времяпрепровождения. Облюбовала кафе для своих постоянных встреч и стамбульская богема. Завсегдатаями его были писатели Ахмед Хамди Танпынар (1901–1962), Саит Фаик (1906–1954), Нихат Сары Орик (1895–1960)

7. Вот как писал о Карпыче посетивший в 1933 г. Турцию Л. Никулин: «У ресторана Анкара-Палас и у Карпыча стоят машины с флажками посольств. Эфенди Карпыч, бывший студент Лазаревского института в Москве, сдержанно жалуется на дела. Он переехал из Стамбула в Анкару, — начальство хочет иметь в столице хороший европейский ресторан. Но жители Анкары предпочитают здоровую национальную кухню, они привыкли к маленьким столовым, где все на виду и утварь блестит, как приборы лаборатории, и пахнет лимонами и жареной черноморской кефалью. Одни иностранцы ходят к эфенди Карпычу. Маленький хеттский лев — ангорская кошка (единственная ангорская кошка, которую я видел в Анкаре — родине ангорских кошек) — загадочно глядит на Карпыча глазами разного цвета — голубым и желтым зрачком» (Никулин Л. Стамбул. Анкара. Измир. [М.], 1935. С. 94). (прим. ред.).

и другие литературные знаменитости. Здесь встречались и знакомились. Здесь коротали ночь опоздавшие на последний паром, идущий в Кадыкёй, что на азиатском берегу Босфора. По субботам и воскресным дням зал не вмещал всех желающих.

В 1940 г. «Петроград» переименовали. Он стал называться «Анкара», но в памяти стамбульцев остался «Петроградом» — тем кафе, о котором добрым словом вспоминают писатели Хикмет Феридун Эс (Es, Feridun)⁸ в статье «На протяжении лет» и Салях Бирсель (Birsal, Salah) в книге «Ах, Бейоглу, вах, Бейоглу»⁹.

Я уже говорила о культурном значении русских ресторанов, баров, ночных клубов, кабаре, где, как правило, развлекали посетителей русские артисты.

Публика наслаждалась выступлениями цыганской певицы Насти Поляковой и исполнительницы русских романсов Таракановой, которая выходила на сцену в национальном убранстве и часто пела под аккомпанемент пианистки Марии Оболенской; с восторгом слушала романсы композиторов Петра Баторина и Константина Никольского, ими же и исполнявшиеся. В любом концерте обязательно танцевали «Казачок», особенно полюбившийся и запомнившийся стамбульской публике.

В салоне итальянского культурного центра «Каза д'Италия» с аншлагом проходили концерты трио — Виктора Крюкова и его сестер Джеммы и Надежды. Они играли, пели и танцевали, дополняя свое основное амплуа акробатическими номерами. Классические, народные и современные (фокстрот, чарльстон) танцы в их исполнении имели необыкновенный успех. Газеты называли их высокопрофессиональными артистами. В репертуар группы входили и турецкие песни. Виктор, легко освоивший турецкий язык, положил на музыку стихи стамбульских кюльханбеев (апашей XIX в.) и блестяще исполнял их, вызывая удивление и восхищение слушателей. В 1930 г. это замечательное трио уехало в Европу, а затем в Америку.

На площадке знаменитого стамбульского парка Гюльхане со своей группой выступал танцор Казбек (Михаил Турпаев), который вскоре завоевал мировую известность как непревзойденный исполнитель горских танцев с кинжалами. Уроженец Назрани, казачий офицер, эмигрант последней волны, он сохранил привязанность к Турции, дожил в Стамбуле до 98 лет (1978). оставив в наследство потомкам свой артистический дар: дочь Жале в прошлом известная турецкая балерина, старший внук Жан Ак'юз — солист анкарской оперы, младший — Казбек Озсой танцует в хьюстонском театре США.

8. *Es H.F. Yıllar Boyunca // Tarih dergisi. İstanbul, 1978.*

9. *Birsal S. Ah, Beyoglu, Vah, Beyoglu. İstanbul, 1976.*

Русские демонстрировали высокий профессионализм, и турки по достоинству оценили их искусство. Сошлюсь на Решада Экрема Кочу, автора статьи о «белых русских» в «Энциклопедии Стамбула». «Белым русским, — пишет Кочу, — принадлежит важное место в истории Стамбула. Большинство из них выходцы из самых высоких и образованных кругов царской России... Оказавшись в Стамбуле, первое, что они сделали, — это создали развлекательные заведения, которых так недоставало большому городу. В открытых ими барах, ночных клубах, кабаре турки увидели подлинное, освещенное благородством искусство»¹⁰.

Особой популярностью пользовалось казино «Роз нуар» («Черная роза»), благодаря концертам Александра Вертинского, бывшего в Стамбуле едва ли не самой заметной фигурой ночной жизни. В Турции он оказался будучи уже известным в России артистом — вместе со своим постоянным аккомпаниатором Борисом Путятой и сразу же поселился в самом дорогом отеле «Пера палас». Здесь на приемах бывал Ататюрк, останавливались Хемингуэй, Агата Кристи и другие мировые знаменитости, о чем свидетельствуют медные таблички на дверях номеров. «Роз нуар», в котором пел Вертинский, принадлежал Нуреддин-бею, владельцу городских пекарен и булочных. Бывший сотрудник турецкого посольства в Петербурге, он познакомился с Вертинским еще в России, а когда узнал о том, что артист находится в Стамбуле, открыл для него казино и не прогадал.

По словам А. Макарова, автора книги о знаменитом артисте, Вертинского приходили слушать «камергеры, члены Государственного Совета, дипломаты, но больше финансисты и биржевики, сумевшие всеми правдами и неправдами спасти, а то и приумножить свой капитал, некогда модные писатели, короли русского фельетона, актрисы и балерины самых знаменитых в России трупп»¹¹. Александр Николаевич и сам достаточно подробно вспоминает о своих выступлениях в «Роз нуар» и вообще о своем пребывании в Стамбуле.

«Я пел в “Черной розе”, — пишет он, — конечно, не свои вещи, которые иностранцы не понимали, а преимущественно цыганские, веселые — с припевами, в такт которых они пристукивали и раскачивались. Это нравилось. Почти ежевечерне по телефону заказывался стол верховному комиссару всех оккупационных войск адмиралу Бристолу. Он приезжал с женой и со всей своей свитой, пил шампанское и очень любил незатейливую “Гусарскую песенку” (“Оружием на солнце сверкая”), которую я пел, искусно заправляя ее всякими имитациями барабанов

10. *Deleon J. Beyoğlunda Beyaz Ruslar. İstanbul, 1990. С. 21.*

11. *Макаров А. Александр Вертинский. Портрет на фоне времени. Смоленск, 1998. С. 126.*

и военных труб. Тратил он очень много, и мой патрон был в восторге. А за адмиралом тянулась и остальная денежная публика. Постепенно меня стали приглашать на официальные банкеты и приемы в посольстве — я танцевал с пожилой адмиральшей и разговаривал по-французски, ибо английского не знал. Однажды адмирал пригласил меня даже обедать на свой флагманский корабль. В это время Кемаль-паша, будущий создатель новой Турции, сидел в Анатолии, ошестинившись всеми верными ему штыками, и не обращал внимания на угрозы союзников. Американские и английские корабли блокировали анатолийское побережье. Воевать победителям не хотелось.

Где-то шли какие-то переговоры, а пока остальная Турция с султаном во главе была изолирована от мира.

Однажды я был приглашен в “Ильдиз-Киоск” (Йылдыз Кёшк. — С. У.) к султану, на “селямлик”¹². Приехал я со своим оркестром и в ожидании выхода султана стоял в приемном зале дворца, разговаривая со знакомыми дипломатами. Тогдашний греческий атташе Псилари объяснял мне, как надо заводить роман с турчанками, чтобы не повредить их репутации. Я слушал и смотрел в окно. По ритуалу до приема султан должен был посетить мечеть.

Мечеть находилась тут же в ограде дворца, и вскоре показалось его ландо, запряженное шестеркой белых лошадей. Султан в блестящем, расшитом золотом мундире, с лентой и орденами сидел один, а с боков коляски в полных парадных одеяниях и также при всех орденах и регалиях бежали его министры, положив руку на крыло экипажа. Полюбовавшись парадом, я отошел от окна... Вечером после приема, вдоволь напевшись, я получил в подарок — ящик личных сигарет султана из чудесного турецкого табака, с длинными картонными мундштуками, украшенными его эмблемой»¹³.

Вертинский с успехом пел также в ресторане «Максим», который открыл над Босфором в загородном саду «Стелла» бывший владелец московского увеселительного сада «Максим» Федор Федорович Томас. Оказавшись в Стамбуле, мулат Федор Томас, которого в Москве звали «московским негром», быстро выбился в преуспевающие антрепренеры.

В «Максима» блистал искусством виртуоза-скрипача румын Михаил Голеско, с 1912 г. он жил в России и играл в Кисловодске, Баку, Петербурге и в Москве. Вертинский звал его Жаном Гулеско и, вспоминая о нем, писал в своей книге: «В фешенебельном игорном доме, открытом предприимчивым одесситом Сергеем Альдбрандом, выступал Жан Гулеско,

12. Селямлик — мужская часть дворца дома, где принимают гостей.

13. *Вертинский А.А.* Дорогой длиною. М., 1990. С. 133–134.

знаменитый скрипач-румын, игравший в свое время у Данона и у Кюба, любимец петербургской кутящей публики... Гулеско знал наизусть все “чарочки” всех полков. Раздувая страстные цыганские ноздри, он ... играл, сверкая белками цыганских глаз, и как-то особенно ловко подхватывал на лету и перекладывал в карман брошенные деньги»¹⁴.

Украшением ночной жизни Стамбула был сатирический театр, открытый известным писателем Аркадием Аверченко и В.И. Свободным. Аверченко покинул Россию во время «врангелевской эвакуации», т. е. в 1920 г. В Стамбуле он писал для русских газет и журналов и, наконец, основал небольшой театр под не требующим разъяснения названием «Гнездо перелетных птиц». Журнал «Зарницы» в одном из номеров писал: «“Гнездо”, так в обиходе называется одно из самых очаровательных мест ночного Константинополя — театр “Гнездо перелетных птиц”, где русский талант сверкает всеми русскими самоцветами. В помещении бывшего ресторана “Русский очаг” царит благодущие и веселье. Ни одного пошлого слова, ни одного намека, которые обидели бы этот уголок. А.Т. Аверченко и В.И. Свободин ведут с публикой беседу, пересыпают ее шутками. Они знают своих гостей. Многие сделались друзьями “Гнезда”, посетив его лишь раз, многих связывают давние отношения и артистические кружки Москвы и Петербурга. В “Гнездо” заходят даже иностранцы, не понимающие русского языка, но воспринимающие художественность и артистичность исполнения»¹⁵. Накануне рождественских праздников Аркадий Тимофеевич издал даже единовременный журнал «Рождественский сатириконт Аверченко», в котором с присущим ему юмором писал: «Все способные мыслить русские должны проводить праздничные вечера в “Гнезде перелетных птиц”. Это времяпрепровождение способствует проявлению мысли и откладывает на лица отпечаток истинной осмысленности. “Гнездо перелетных птиц” смело можно назвать Академией Изящного Вкуса, Истинной Красоты и Прекрасного Интеллекта. Человек отличается от животного, — замечает Аверченко, — главным образом тем, что он улыбается. Мы заставляем улыбаться — значит, мы совершенствуем всякое человекообразное, возводя его на высшую ступень»¹⁶.

В рождественские праздники театр играл на Пера в ресторане «Паради» пьесу самого А. Аверченко, которая называлась «Флирт Розенберга».

Остались неизвестными состав труппы театра и его репертуар. Весной 1922 года А.Т. Аверченко вместе со всей труппой выехал в Болгарию, 15 апреля он был уже в Софии.

14. Там же. С. 130.

15. Зарницы. Константинополь, 1921, № 6. С. 31.

16. Зарницы. Константинополь, 1921, № 12. С. 23–24.

Писатель прожил в изгнании еще три года и умер в Праге в 1925 г.

Среди русских артистов, которых приютил Стамбул, а точнее — Бейоглу, большинство составляли музыканты — пианисты, скрипачи, дирижеры, люди, получившие в России высшее музыкальное образование; у многих из них было уже известное имя, концерты в Москве, Петербурге, Тифлисе и в других крупных городах, игра в составе симфонических оркестров; нередко их музыкальная деятельность сочеталась с педагогической...

Благодаря «белым русским» — «без руслар», так их называли и называют в Турции, классическая музыка — симфоническая, камерная заняла большое и значимое место в культурной жизни города, но исполнялась она не в концертных залах — их тогда в Стамбуле и не было, — а в ресторанах, казино, кинотеатрах, в ночных клубах и т. д. Именно в подобного рода заведениях первоклассные русские исполнители знакомили стамбульских слушателей с шедеврами мирового музыкального искусства.

Так, в отеле «Пера палас» играл квинтет (В. И. Поржинский, А. де Матеи, П. Черковский, А. Иванов, В. Беккер) под руководством Павла Алексеевича Замоуленко, слывшего скрипачом-виртуозом. В программе оркестра звучали произведения Чайковского, Бородина, Римского-Корсакова, Шумана, Листа... В кинотеатре «Мажик» в Таксиме, — кино тогда было немое, — играл оркестр Ивана Полянского. Известный в России скрипач и дирижер, он умел музыкой прикрыть слабые эпизоды картины, спасти провальные ленты. В «Мажик» чаще ходили послушать музыкантов, нежели посмотреть фильм. А в известном казино «Пти шан» играл оркестр, которым дирижировал выпускник «Моцартеума» в Зальцбурге Христиан Лаченский.

В Бейоглу у музыкантов было свое излюбленное место, где они собирались после работы: оно так и называлось — «Кафе музыкантов». Туда же приходили владельцы увеселительных ночных заведений. Они отбирали для работы пианистов, скрипачей или тех и других, а иногда тут же создавали небольшие оркестры.

Среди русских музыкантов, которые и по сей день остались в памяти турак — пианистка Валентина Таскина. Родилась Валентина Юлиановна (до замужества — Ворженьская, ее мать русская, отец поляк) в 1902 г. в городе Грозном. С 1910 г. ее семья жила в Кисловодске. Здесь девочка начала учиться игре на фортепиано. «Я была маленькой, — вспоминает Валентина Юлиановна, — но глубоко чувствовала музыку, не могла без слез слушать Шопена, Чайковского... Родители водили нас в театр. Я видела тогда балет “Лебединое озеро”... У меня было счастливое детство». В 1920 г. Валентина Юлиановна вышла замуж за барона Константина Клодт

фон Юргенбург¹⁷ и стала баронессой, а спустя два года овдовела: уже в Турции она узнала из газет, что ее муж, царский офицер, воевавший в рядах Белой армии, был пленен и расстрелян большевиками...

Валентина Юлиановна попала в Турцию из Феодосии на пароходе «Корнилов» с последней самой большой волной беженцев из России. Ступив на стамбульскую землю 24 ноября 1920 г., она сразу же пошла в российское посольство и там узнала, что ее дядя Богаевский¹⁸ уже в Стамбуле и живет в Тарлабаши... Прожив с семьей дяди около месяца, Валентина Юлиановна вместе со старшей сестрой Александрой, которая работала в русской аптеке в Таксиме, поселилась в Бейоглу на улице Алтын Баккал, 36.

Баронесса начала работать: была нянечкой в больнице Сырасельвилере, гувернанткой в богатых семьях, играла в саду Тепебаши, «где каждый вечер собирались русские и пели грустные песни», потом в ресторане «Режанс», в оркестре «Балалайка». В 1923 г. она вышла замуж за пианиста Александра Александровича Таскина, крестника императора Александра III, с которым познакомилась в «Кафе музыкантов». Теперь муж и жена по очереди играли в пивном баре сада Новотны и в кинотеатре «Мажийк» с оркестром Ивана Полянского, кроме того Валентина Юлиановна аккомпанировала на уроках и концертах балетной студии Лидии Арзумановой.

Валентина Юлиановна стала первой пианисткой Стамбульского радио: именно она в 1925 г. возвестила коротким фортепианным сигналом начало работы национального радио Турции. Ее многолетняя работа на радио сочеталась с большими концертами, игрой с разными оркестрами, с выступлениями в составе трио и квартетов... Когда в 1950 г. отмечалось 25-летие турецкого радио, особо были отмечены заслуги русской пианистки как популяризатора шедевров мировой музыкальной классики, в том числе русской.

В 1944 г. супруги Таскины познакомились с румыном Тодори, гитаристом и исполнителем русских, румынских и французских народных песен. После смерти мужа в 1960 г. Валентина Юлиановна много лет работала с Тодори в ресторане «Ялым».

Валентина Юлиановна прожила долгую жизнь. «Моя жизнь на протяжении десятков лет проходила в Бейоглу, — сказала она в одном

17. Баронский род Клодт фон Юргенбург происходит из Вестфалии, его представители переселились в начале XVI в. в Лифляндию... Художественно одаренная семья Клодт фон Юргенбург дала России трех известных художников, из которых самый знаменитый Петр Карлович (1805–1867) — автор четырех групп коней на Аничковом мосту в Санкт-Петербурге.

18. Африкан Петрович Богаевский (1872–1934) — генерал-майор, Атаман Войска Донского, был женат на родной тетке Таскиной.

из своих последних интервью. — Я никогда не покидала Стамбул, у меня и в мыслях этого не было. Если бы я написала всё, что знаю о Стамбуле и особенно о Бейоглу¹⁹, — получилась бы многотомная книга. ... Россия, снег, степь, хоровое пение, доносившееся из православного храма, — все осталось в далеком прошлом...» Валентина Юлиановна умерла в 1992 г., в возрасте 90 лет²⁰.

Другая русская пианистка Мария Владимировна Оболенская, выпускница Петербургской консерватории, в течение десятка лет вела преподавательскую работу в России. По прибытии в Стамбул в 1920 г. она сразу же организовала собственную школу и скоро стала известна как хороший педагог. Временами Мария Владимировна аккомпанировала на концертах балетным артистам или выступала с собственным репертуаром в казино.

Очень интересным и разносторонним музыкантом был Сергей Романовский. Пианист и композитор, он окончил композиторское отделение Московской консерватории и за сочинение «Осенняя симфония» был награжден золотой медалью. Имел звание «профессора фортепьяно и композиции». В Стамбуле, куда судьба забросила его в 1920 г., он выступал чаще всего в летних садах, музицировал в домах друзей, а также давал уроки игры на фортепьяно и его ученики сами потом с успехом выступали в концертах. Среди русских музыкантов Романовский слыл блестящим интерпретатором Чайковского. Он много сочинял: «Мистическая фантазия», «Индийские молитвы» были написаны им для скрипки и органа, также как «Реквием» и «Аве Мария», но особую известность получила его фантастическая симфония «Карнавал моей жизни и смерти». С. Рома-

19. Именно в Бейоглу обосновалась большая часть беженцев из России.

20. *Deleon J.* Указ. соч. С. 59–60. Сведения о В.Ю. Таскиной почерпнуты из книги Жака Делеона «Белые русские в Бейоглу», изданной в Стамбуле в 1990 г. Книга подготовлена в рамках программы Босфорского университета, доцентом которого ее автор являлся. Интерес Ж. Делеона к теме «белые русские» в значительной степени обусловлен тем, что его двоюродный дед, дядя отца Альберт Делеон, был женат на Наталье, по первому замужеству Хомяковой, которая в 1920 г. в возрасте тридцати лет оказалась в Стамбуле в числе «белых русских». Искренняя симпатия и глубокое уважение к этой очень красивой и высокой души женщине, которая внесла в большую аристократическую семью Делеонов дух русской культуры и связала семью с русской эмиграцией, побудили Делеона посвятить ей свой труд, который строится на фактах, извлеченных им из разных источников. В их числе альманах «На прощание» (Стамбул, 1924, Париж, 1930), книга «Русские на Босфоре» (Стамбул, 1927), газеты на турецком, английском и французском языках, выходившие в Стамбуле в 1920–1950 гг. Регистрационные списки и другие документы Благотворительного общества ортодоксальных христианских церквей в Стамбуле (1954–1973), дневник Натальи Делеон, личные беседы автора с эмигрантами и их потомками.

новский оставался в Стамбуле недолго, вскоре он уехал в Париж, а оттуда в Америку вместе с Чижевским, который считался «уникальным скрипачом».

Помнят в Турции и Поля (Павла) Лунича, которого считали «классическим концертным пианистом». В его репертуаре преобладали произведения Генделя, Мендельсона, Шопена, Дебюсси, Шумана, а из русских композиторов пианист отдавал предпочтение Рахманинову.

Лунич оставался в Турции шесть лет до 1926 г. За это время он дал около ста концертов, одновременно давая уроки музыки турецким детям.

Вне всякого сомнения, «белые русские» внесли свой вклад и в музыкальную культуру турок. Замечу, что музыкантов среди беженцев было больше, чем представителей других видов искусства. Это следует из опубликованного в работе Жака Делеона списка, составленного по книге «Русские на Босфоре», вышедшей на турецком и французском языках и уже упоминавшегося альманаха «На прощанье», а также по итогам личных бесед Ж. Делеона с «белыми иммигрантами» и их потомками. В списке значатся 144 фамилии с указанием профессий русской художественной интеллигенции, находившейся в 20-е годы в Стамбуле. Из них 69 имен принадлежат дирижерам, концертирующим пианистам, скрипачам, виолончелистам, флейтистам, оперным певцам. Выпускники Московской, Петербургской, Киевской и Тифлисской консерваторий способствовали освоению турецкими музыкантами произведений русской классики, расширив тем самым представление турок о мировой музыкальной культуре. От них турки впервые услышали творения русских композиторов Чайковского, Римского-Корсакова, Глазунова, Бородина, Стравинского и др.

Тем, кому известна драматическая сторона жизни русских беженцев в Стамбуле, трудно представить, что уже в 1921 г. силами русских музыкантов в Тарлабаши был дан концерт, программа которого включала торжественную увертюру «1812» Чайковского и «Пятую симфонию» Бетховена.

Уже тогда, в далекие 20-е годы, профессионализм, творческие достижения русских музыкантов заложили основу той симпатии, которую турки и ныне питают к русской музыкальной культуре.

Однако к концу 20-х годов большинство представителей русского музыкального искусства оставили Стамбул, чтобы обосноваться в Европе или Америке. Среди них были известные в России музыканты: дирижер Сергей Романовский, скрипачи Чижевский и Евгений Швед, пианист Константин Николаевский, певцы Александр Соколов, Анна Павлова-Вольская и др. До отъезда каждый из них дал десятки концертов, часто благотворительных.

Находясь в Турции, вокалисты из России открывали свои студии. Одну из них возглавляла певица Наталия Ивановна Жило. Выпускница

Московской консерватории, она ранее успешно гастролировала во Франции и России. В Стамбуле же работала с молодыми певцами. Некоторым из них благодаря этим занятиям открылась дорога на сцену.

С профессиональными певцами работал и профессор А.А. Селиванов — обладатель прекрасного баритона. В России он получил консерваторское образование по классу скрипки и вокала. Несколько лет концертировал как скрипач. Занимаясь с учениками в Стамбуле, Селиванов применил свою оригинальную систему вокальной подготовки и опубликовал на французском языке книгу «Методика постановки голоса».

Сохранилось несколько имен ярких русских певиц, которые покорили стамбульскую публику. Одной из них была Наталья Ивановна Полянская — жена дирижера Ивана Ивановича Полянского, обладавшая прекрасным сопрано; она исполняла арии из русских опер: «Царская невеста» Римского-Корсакова, «Евгений Онегин», «Пиковая дама» и «Опричник» Чайковского, «Русалка» Даргомыжского... Певица напоминала о России не только исполнением русской музыки, но и тем, что выходила на сцену в богатом национальном одеянии, кокошнике, расшитом жемчугом.

Был в Стамбуле и русский музыкальный театр «Буфф», который находился в саду Таксим. Организовали его солист московской оперетты Владимир Петрович Смирнов (тот, который изготавлял в Стамбуле «Смирновскую») и его жена — примадонна того же театра Валентина Пионтковская.

Режиссер Люблин с их участием поставил оперетту Оффенбаха «Прекрасная Елена», которую стамбульцы прежде не знали. О невообразимом успехе спектакля пишет очевидец князь П.П. Ешеев. «Елену Пионтковскую вносили в паланкине чернокожие рабы, это были не статисты, вымазанные сажей, а настоящие колоссального роста негры. Агамемнон выезжал на ослике, а Минелая-Полонского выносил на сцену обыкновенный турецкий грузчик — «хамал». Если прибавить к этому участие Юрия Морфесси, кордебалет и хор, перенесение действия в зрительный зал при эффектном освещении прожекторов, красочность костюмов, то будет понятен ошеломляющий успех «Прекрасной Елены»²¹.

* * *

Безусловно, беженцы из России расцвели яркими красками культурную жизнь оккупированной Османской столицы. Значительна роль в этом и мастеров русского балета, зарабатывавших на хлеб своим искусством. Их оказалось немало в Стамбуле, но упомяну лишь нескольких и в первую очередь Василия Корнетского — солиста балета Киевской опе-

21. *Васильев А.А.* Красота в изгнании. М., 1998. С.71.

ры, позже танцевавшего в составе Дягилевской труппы под руководством великого Михаила Фокина. В исполнении изящного и элегантного танцовщика стамбульцы увидели композицию «Персидские ковры» на восточные мелодии и «Итальянскую рапсодию» на музыку Равеля, а вместе с легкой и очаровательной Мартой Крюгер — отрывки из балета «Шехеразада» Римского-Корсакова и «Вальпургиеву ночь» Гуно. Это было первое знакомство турок с искусством классического русского балета.

Несколько позже в небольших театрах и салонах Стамбула начала выступать группа русских танцовщиков под руководством известного балетного репетитора Петербургского Мариинского театра Евгении Степановны Воробьевой. Артисты исполняли не только балетную классику, но и народные танцы, в том числе древнееврейские, арабские, испанские, оригинальная интерпретация которых принесла Воробьевой известность еще в Петербурге.

Турок очаровывал рисунок танца, виртуозная техника, эмоциональная выразительность, владение драматургическими элементами — словом, высокое мастерство, присущее замечательной русской балетной школе.

Пресса пестрела восторженными откликами. Газеты писали, что «чувства, которые вызывают изящество и строгая красота русских балерин, не поддаются словесному выражению», «что, принеся на турецкую землю «поэзию танца», они открыли туркам искусство балета не только классического, но и современного — «модерн»²².

К концу 1920-х годов, когда многие танцовщики из России оставили Стамбул, чтобы начать осваивать сцены Европы и Америки, здесь остались Нанасова (о ней почти нет сведений) и Лидия Красса-Арзуманова, которая, по признанию самих турок, сыграла важную роль в становлении турецкого балета.

По окончании Петербургского хореографического училища Лидия Арзуманова танцевала в разных российских театрах, затем была приглашена в Большой, но в 1921 г. двадцатичетырехлетняя балерина покинула Россию. Подобно большинству беженцев, она оказалась в Турции без пристанища и средств к существованию. Выручили воля, упорство и профессия. Однако исполнительское творчество Арзуманова вынуждена была поменять на педагогическую деятельность. Она начала с того, что открыла в конце 20-х годов балетную студию. Первое выступление ее участников состоялось в 1931 г. в салоне «Каза д'Италия». Продолжая занятия в студии, Арзуманова в 1941 г. начала давать уроки в муниципальной консер-

22. Deleon J. Указ. соч. С. 50.

ватории района Тепебаши. А позже создала школу танца при Народном Доме²³ в районе Эмининэню Стамбула. Концерт 59 учеников этой школы состоялся в 1942 г. в городском театре.

Признание к Лидии Арзумановой как мастеру хореографии пришло в 1944 г., когда ее воспитанников увидели в Анкаре на торжествах по случаю двенадцатой годовщины Народных Домов. Концертную часть праздника открывал балет «Лесная сказка» на музыку молодого тогда турецкого композитора, ныне признанного классика Аднана Сайгуна в постановке Арзумановой. Спектакль вызвал бурю восторга зрителей, среди которых были президент страны Исмет Иненю и другие высокопоставленные лица.

Пресса выражала желание общества, чтобы вслед за столь блестящим экспериментом (это был первый балет на музыку турецкого композитора) турецкий зритель увидел новые работы Арзумановой, созданные на собственно национальную авторскую и народную музыку.

И словно в ответ на это пожелание Арзуманова ставит «Сад цветов», «Деревенскую свадьбу», «Сон Инджи» и «Бурю», одновременно она продолжает давать уроки в консерватории.

За годы служения турецкому балету Арзуманова воспитала не одно поколение танцоров-исполнителей, которых научила понимать и выражать языком танца музыку Брамса, Шумана, Листа, Чайковского, Глазунова и др. Последними ее работами были запомнившиеся стамбульским поклонникам балета классическая фокинская «Шопениана» и «Антикварная лавка» — изящная композиция на музыку европейских авторов.

Декорации и костюмы к балетам Арзумановой создавал театральный художник из «белых русских» Н.К. Петров — главный декоратор Стамбульского городского драматического театра, а затем Анкарской оперы. Профессиональная работа Петрова придавала балетным спектаклям Арзумановой художественную завершенность.

По признанию критики, это были спектакли, подобных которым Стамбул прежде не знал и «которые явились прекрасным началом для дальнейшего развития турецкого балета»²⁴.

Казалось бы, все говорит за то, чтобы признать выдающуюся роль Лидии Арзумановой, с 20-х годов начавшей готовить танцовщиков классического балета, в зарождении этого вида европейского искусства

23. Народные дома начали создаваться в 1932 г., как культурно-просветительские и пропагандистские учреждения. (О них см. Колесников А.А. Народные дома в общественно-политической и культурной жизни Турецкой Республики. М., 1984. — прим.ред.)

24. Deleon J. Указ. соч. С. 52.

в Турции. Однако официально принято начало его связывать с открытием Стамбульской балетной школы в 1947 г. и с именем Ниннет де Валуа. Во всяком случае, этой точки зрения придерживается Метин Анд — известный исследователь турецкого театрального искусства²⁵.

Основанную при участии европейских специалистов, в частности Ниннет де Валуа, эту школу по прошествии трех лет, когда в Анкаре был создан оперный театр, преобразовали в балетное отделение Анкарской государственной консерватории (открыта в 1949 г.). Как утверждает Жак Делеон, автор книги «Белые русские в Бейоглу», Арзуманова передала Ниннет де Валуа своих лучших учеников (Танасюф Онат, Хюсюн Сунал, Кая Ильхан, Энгин Акаоглу, Гюзиде Ноян), «внеся тем самым свою лепту в становление турецкого классического балета»²⁶.

Лидия Арзуманова (в мусульманстве Лейла Арзуман) скончалась в 1988 г. в возрасте 89 лет, проведя последние 20 лет в доме своей любимой ученицы Иылдыз Алпынар.

В Стамбуле также работала профессиональная балетная труппа Виктора Зимина. Ее солистами были: балерины Трапполи, Юнге и Глюк, а также характерный танцовщик Заварихин. Труппа имела и небольшой кордебалет. Спектакли оформлял талантливый художник Павел Федорович Челищев, который впоследствии обрел славу в Париже. На один из спектаклей труппы — «Шехеразаду» Римского-Корсакова — откликнулся журнал «Театр и жизнь», выходивший в Берлине, поместив в корреспонденцию Г. Рагозина из Стамбула. Отмечая и недостатки и удаchi спектакля, журналист писал: «Повторенный несколько раз спектакль шел с исключительным успехом и стал настоящим событием культурной жизни города. Блестящий, яркий балет покорила публику. Прекрасный оркестр Г. Бутникова, знакомого русским по кисловодским и харьковским сезонам, звучал превосходно. «Шехеразаду» танцевала Е. Глюк, имевшая шумный успех в дивертисменте. Однако в целом ее исполнению недоставало экзотики, колорита, всего того, чем так богата музыкальная палитра Римского-Корсакова. В. Зимин был достаточно пластичен, красиво танцевал, но «Шехеразада» требует «лица». Вот мимика-то и была слабым местом несомненно талантливого молодого танцовщика. Технически подготовив партию, он недостаточно продумал образ персонажа. Массовые сцены были великолепно задуманы, но выполнены технически несовершенно, что следует отнести за счет слабости сил кордебалета. В общем же, заключал автор корреспонденции, «Шехеразада была прекрасным зрелищем. После

25. *And Metin*. 100 soruda Türk Tiyatrosu Tarihi. İstanbul, 1970. С. 326–327.

26. *Deleon J.* Указ. соч. С. 53.

любительских, наскоро и неряшливо сложенных спектаклей, это была подлинная победа русского искусства»²⁷.

* * *

В Стамбуле нашли приют немало беженцев-художников. На первых порах они были разобщены и существовали за счет случайных заказов и работы на невзыскательный рынок. Первым шагом к их объединению и в последующем к более или менее сносной жизни стала художественная выставка в русском клубе «Маяк», организованная 9 октября 1921 г. при содействии американского ученого Стенли Харрисона, известного собирателя древностей и постоянного участника научных экспедиций в Стамбул. Вскоре после этого 1 января 1922 г. было объявлено о создании «Союза русских художников». Учредителями «Союза» стали художники Г.К. Артемов, Н.И. Васильев, Н. Кравченко, Н. Калмыков. Почетным членом «Союза» — директор клуба «Маяк» Аренсон, Председателем Союза был избран В.И. Иванов. По данным альманаха «На прощанье» «Союз» составили 30 художников.

Организация «Союза русских художников» послужила важным стимулом к активной творческой деятельности художников, и результаты не заставили себя ждать: в 1921–1923 гг. было организовано 9 выставок, в том числе две персональных — художников Н.В. Зарецкого и Д.В. Измайловича, а с закрытием галереи в «Маяке» — еще три выставки были устроены в бывшей военной казарме Мак Маон в Таксиме: 18 июня и 10 декабря в 1922 г. и 23 июня в 1923 г.

Задачей «Союза» была не только организация выставок, но, вполне вероятно, и помощь наиболее нуждающимся художникам за счет членских взносов.

Почти все художники копировали фрески и мозаику стамбульских мечетей, особенно Кахрие-джами. После храма Айя Софии²⁸ она и сегодня остается самым значительным памятником византийского искусства XIV в., ясная сверкающая мозаика которого представляет собой единый рассказ о Христе и его сподвижниках.

Активно работая в мечетях по реставрации фресковых и мозаичных рисунков, русские художники содействовали сохранению для будущих поколений бесценных сокровищ византийского искусства.

Среди художников некоторое время, живших в Стамбуле, были живописцы, реставраторы, акварелисты, художники-фотографы, сце-

27. Рагозин Г. // Театр и жизнь. Берлин, 1922, № 8. С. 16.

28. Храм святой Софии открыт в 537 г. при византийском императоре Юстиниане. После завоевания турками в 1453 г. Константинополя превращен в мечеть. С 1935 г. — музей.

нографы... У каждого из них были собственные пристрастия в искусстве и отсюда у каждого «свой» Стамбул. Одни писали памятники греческой и римской архитектуры, развалины римского акведука, султанский дворец «Долмабахче»²⁹ с его знаменитыми ажурными воротами, храм Айя Софию и старые христианские подворья; другие же — сценки городской жизни, лица горожан, а третьи — Галатский мост, Девичью башню, небо над Босфором и босфорские набережные. Художники писали натюрморты, акварели с видами Константинополя... В своих работах они запечатлели исторический и современный им Стамбул. А уезжая навсегда из Турции, разнесли по миру неповторимое величие и красоту этого древнего города, раскинувшегося на двух континентах.

К началу 1924 г. деятельность «Союза» сошла на нет. Большинство художников покинули Турцию. Среди них были: Т.А. Алексинская-Лукина и А.Л. Никанорова, Г.К. Артемов, Н.Н. Беккер, И.М. Зданевич, Н.К. Васильев, Н.Н. Калмыков, В.И. Иванов, П.Ф. Челищев, В.И. Эгиз. О том, как сложилась их дальнейшая жизненная и творческая судьба, мне пока неизвестно. Лишь некоторые сведения о А.В. Грищенко и Д.Д. Измайловиче удалось почерпнуть из публикации Г. Вздорнова в журнале «Творчество» (1990 г.)³⁰.

Алексей Васильевич Грищенко прожил долгую жизнь: он родился в украинском городе Кролевец в 1883 году и умер во Франции в возрасте 94 лет. Учился живописи в Киеве, Москве и Петербурге и еще до Первой мировой войны побывал в Париже. В 1919 г. «бежал от холода и голода на теплый юг, чтобы заняться чистой живописью». Но, кося по Южной России, оказался за ее пределами, в Стамбуле. Здесь он писал виды города, копировал византийские фрески в Кахрие-джами, но главным для него стали акварельные рисунки византийских памятников. И когда в 1921 г. его посетил американский ученый Томас Уиттмер, который находился в Стамбуле в связи с реставрационным обследованием Айя-Софии и Кахрие-джами, Алексей Васильевич смог предложить ему 67 своих акварельных рисунков. Прожив два года в Стамбуле, на средства, собранные от продажи картин, художник выехал в Афины. Там в 1923 г. в Музее византийского искусства состоялась его выставка. Из Афин А.В. Грищенко отправился в Париж и в том же, 1923 г., в столице Франции прошли две

29. Долмабахче (букв. «Насыпной сад») — дворец, построен при султানে Абдул Меджиде I в 1853 г. на европейском берегу Босфора, на месте небольшого залива, засыпанного землей. Отсюда и название.

30. *Грищенко А. Д.* О мозаиках и фресках Кахрие джами и о состоянии сохранности других памятников византийской старины в Константинополе // Творчество. М., 1990, № 2. (О П.Ф. Челищеве см. *Коваленко Г.* Берлинские дни Павла Челищева // Pinakothēkē. № 10–11. — прим. ред.).

его выставки, названные им «Голубой и розовый Константинополь». Тогда же 17 картин художника приобрел американский коллекционер для одного из филладельфийских музеев и несколько картин — французский художественный критик Поль Гийом.

Начиная с 1923 г. Алексей Васильевич много выставлялся: после Франции с его Константинополем познакомились Мадрид, Барселона, Страсбург, Стокгольм и другие крупные города Европы.

С 1921 по 1977 г. было организовано более 30 персональных выставок Алексея Васильевича.

После женитьбы на Лили де Мобеж, представительнице знатного французского рода, Алексей Дмитриевич поселился на юге Франции.

Обосновавшись в Европе, он не забывал об оставленной им когда-то Украине и перед Второй мировой войной установил связь с «Ассоциацией независимых украинских художников», существовавшей во Львове (Западная Украина) в 1931–1939 гг. «Ассоциация» признала его своим членом и в 1937 г. организовала во Львове персональную выставку художника, а Львовский национальный музей купил три его картины. Журнал «Творчество» (1990, № 2) воспроизвел репродукции двух цветных картин художника, написанных еще в Константинополе: «Стамбул» (масло, 1920) и «Танец дервиша» (масло, 1920) и поместил фото художника из фонда Центрального государственного архива литературы и искусства, а также отрывки из его книги «Годы бури и натиска» (Париж, 1967, на укр. языке).

В 1962 г. при «Украинском институте Америки» в Нью-Йорке художник создал «Фонд Алексея Грищенко» и передал ему вместе с архивными материалами 70 своих произведений. В оставленном завещании он просил переслать материалы «Фонда» украинским музеям, «когда те станут свободными и найдут место для всех творческих направлений»...

Дмитрий Васильевич Измайлович родился тоже на Украине, в городе Сатанов (ныне Хмельницкая область), а умер в Рио-де-Жанейро в 1976 г. в возрасте 86 лет. Дмитрий Васильевич — эмигрант второй волны (1919 г.), прожил в Стамбуле 7 лет. Он писал архитектурные памятники, пейзажи, натюрморты, портреты стамбульцев, расписывал интерьеры, но страстью художника было копирование мозаичных и фресковых рисунков стамбульских мечетей и прежде всего в Кахрие-джами. Одновременно он серьезно исследовал состояние рисунков, изучал возможности их сохранения. Его работа привлекла внимание ученых-византологов, в частности, В.Н. Лазарева, который предложил художнику написать доклад по этой проблеме. Доклад назывался: «О мозаиках и фресках Кахрие-джами и о состоянии сохранности других памятников византийской старины в Константинополе» и датировался 1 марта 1927 г. В 1990 г. доклад

опубликовал журнал «Творчество» (1990, № 2): «Доклад посвящен двум темам — уточнению красочной палитры мозаик и фресок и выяснению причин белесоватости, которая наблюдается в мозаиках Кахрие». Как пишет Г. Вздорнов, «А.С. Измайлович установил, что палитра мозаиста начала XIV века составлялась из 36 тонов, но одновременно с этим были тона, достигавшиеся сочетанием различных оттенков. Художник высказывает предположение об изменении интенсивности тонов в силу длительного нахождения мозаик, прежде всего ликов, рук и ног почти всех фигур под охристой штукатуркой, нанесенной на изображения при обращении собора в турецкую мечеть»³¹. Журнал не ограничился публикацией только доклада и препровождающей его статьи, он поместил также фотографию из архива В.Н. Лазарева: «Дм. Измайлович и выполненная им копия головы Богоматери во внутреннем нарфике Кахрие-Джами. Около 1925 г.».

В 1926 г. мастерскую художника в Стамбуле посетила вдова бывшего президента США Вудро Вильсона. Она приобрела несколько картин Измайловича и пригласила его в Америку, пообещав свою помощь. Дмитрий Васильевич покинул приютивший его город весной 1927 г. В Америку он попал через Афины. При содействии г-жи Вильсон была устроена его выставка в Бруклинском музее. Это была первая заграничная выставка художника, которая имела к тому же большой успех, после чего ему удалось продать несколько своих картин... В 1927—1928 гг. персональные выставки Дмитрия Васильевича прошли в Нью-Йорке и Бостоне, затем в Лондонском королевском музее Виктории и Альберта и в Рио-де-Жанейро. На них экспонировалось 30 копий мозаик и фресок Кахрие-джамии и около трех десятков акварелей с видами Стамбула, а кроме того — мозаичные кубики, которые художник с любовью собирал в турецких мечетях.

С 1928 г. и до конца жизни Дмитрий Васильевич жил в Рио-де-Жанейро.

* * *

Для некоторых русских художников-беженцев, в частности, для Н.К. Клуге и Н.К. Петрова, Турция стала второй родиной.

Художник, фотограф и реставратор Николай Карлович Клуге (1867—1947) побывал в Турции еще до Первой мировой войны. Являясь сотрудником «Русского Археологического общества» в Стамбуле (с 1903 г. он занимал в нем штатную должность художника), Н.К. Клуге принимал участие во всех экспедициях общества, имевших целью изучение и дальнейшую публикацию фресковых и мозаичных росписей, включая мечеть Кахрие. Последние экспедиции, в которых Клуге принимал участие, были экспедиции в Трабзон в 1916 и 1917 гг.

31. Вздорнов Г. Русский художники и византийская старина в Константинополе // Творчество. М., 1990, № 2. С.31.

В 1920 г., при содействии французского консула в Севастополе, Николай Карлович, теперь уже в качестве беженца, снова оказался в Стамбуле. Спустя некоторое время он принял турецкое гражданство и остался здесь навсегда.

С 1930 г. Клуге был сотрудником американского Византийского института в Стамбуле и по-прежнему открывал и копировал фрески, теперь — храма Айя София, замасленные штукатуркой.

Он умер в октябре 1947 г. в американском госпитале и похоронен при греческой церкви в Шишли. Ему было 80 лет.

Будучи прекрасным реставратором и копиистом, художник пользовался большим уважением среди коллег. В некрологе одной из стамбульских газет говорилось: «Ничья другая рука не обладала бóльшей чуткостью при копировании памятников древней живописи. Свойством его копий было жесткое ограничение личного ощущения, диктовавшееся безграничным уважением и преданностью этому искусству. Его репутация и влияние выходили далеко за пределы профессии. Своим полувековым творчеством он способствовал развитию византийской художественной археологии»³².

Другой художник, прошедший жизнь в Турции, — Николай Константинович Петров эвакуировался из России в 1920 г. вместе с частями Белой армии, в которой служил.

Творческая судьба Николая Константиновича как театрального художника состоялась благодаря сотрудничеству с турецким театром. Первым был театр «Дар-уль-Бедайи»; его руководитель — актер и режиссер Мухсин Эртугрул (1892–1979) пригласил Николая Константиновича для оформления спектаклей русской классики, пьес Толстого, Чехова, Гоголя, с которыми впервые знакомился турецкий зритель. Потом была работа в Анкарском государственном театре оперы и балета, сотрудничество с известной в Стамбуле частной балетной труппой Арзумановой, для которой художник, как уже отмечалось, писал декорации и создавал костюмы.

Среди «белых русских» Николай Константинович был широко известен как активный участник церковной жизни. Он обладал хорошим голосом, пел в церковном хоре, был регентом Пантелеймоновского подворья и Андреевской церкви, а с 1957 г. — возглавлял Русское благотворительное общество в Стамбуле.

Умер Николай Константинович в 1963 г.

* * *

В книге воспоминаний «Дорогой длиною» Александр Вертинский, который, как известно, много лет провел в изгнании, справедливо утверждает, что «русские легко осваиваются повсюду. У нас есть какое-

32. Там же.

то исключительное умение обживать чужие страны, — пишет он. — Куда бы мы ни приехали... всюду мы привносили много своего, русского, только нам одним свойственного»³³. Тогдашний Стамбул несомненно подтверждает правдивость этих слов.

Тяжкая судьба русских беженцев, добравшихся до Стамбула в 1918–1920 гг., хорошо известны по художественной и мемуарной литературе, по публицистике и кинематографу. Цель данной статьи — приоткрыть пока у нас неизвестную сторону этой исторической трагедии — обозначить след, который оставили в культуре Турции «белые русские», тысячами прошедшие через землю этой страны.

33. *Вертинский А.А.* Дорогой длинною. М., 1990. С. 217.

Ульченко Н.Ю.

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ (СССР) В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА НАШЕЙ СТРАНЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ТУРЦИИ

Четко определить характер взаимосвязи политических и экономических отношений в системе двусторонних межгосударственных связей представляется довольно сложным. Видимо, более или менее уверенно можно говорить о том, что отсутствие позитивно развивающихся политических отношений затрудняет расширение экономических контактов сторон. В то же время представляется правомерным и то, что совпадение политических интересов сторон создает дополнительные предпосылки для развития их торгово-экономических отношений, но все же оно должно быть подкреплено наличием объективных предпосылок для экономического сотрудничества.

Одна из идеологических догм советского периода, сформулированная еще на раннем этапе развития государства, состояла в идее использования экономических связей в качестве инструмента улучшения и стабилизации политических отношений с партнером. Предпосылками для такого рода действий стали монополизация системы внешнеэкономических связей государством, что предопределило, во-первых, дальнейшую возможность их развития в тесной взаимосвязи с государственными политическими интересами, во-вторых, неизбежное в данном контексте их превращение из отношений взаимовыгодных в отношения помощи и поддержки партнера. Один из наиболее ранних примеров такого рода трансформации представляют собой российско-турецкие финансово-экономические отношения 20-х годов XX в., так что, можно даже предположить, что под влиянием данного прецедента началось формирование своеобразной концепции внешнеэкономических связей Советской России. В дальнейшем закрепление этой концепции и развитие значительной части международных экономических связей СССР в ее рамках предопределялось сложившейся системой биполярного мира.

Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы попытаться выявить эффективность концепции «экономического сотрудничества» — помощи как инструмента развития и укрепления политических связей сторон. Причем в качестве теста эффективности в данной статье предполагается использовать не основные события и вехи политических отношений сторон, а формировавшееся в контексте весьма взаимообусловленного развития двусторонних политико-экономических связей восприятие и оценку Советской России (СССР) турецкими политиками, учеными, широкой общественностью.

В качестве точки отсчета избрано время возникновения Советской России и Турецкой Республики или, более точно, — дата осуществления первых экономических контактов между партнерами, которая пришлось на начало 20-х годов XX в.

Стратегическая установка Советской России в отношении Турции начала 20-х годов четко определена турецким историком и публицистом Д. Авджиоглу, который писал о том, что в руководстве Советской России возобладало мнение, что на советских границах следует приветствовать создание национальных государств, которые не окажутся инструментом агрессии английского империализма и с которыми можно будет развивать дружественные отношения¹. Из факта подписания соглашения по восточным границам Турции именно на конференции в Москве в марте 1921 г., а не в Лондоне, как то предлагали сделать западные державы в рамках пересмотра в пользу Турции Севрского договора от 1920 г., следовала решимость М. Кемаля и его сторонников избежать превращения нового турецкого государства «в инструмент агрессии английского империализма» и желание установить прочные партнерские отношения с Советской Россией. Но поскольку накануне и собственно в процессе московских переговоров Турция действительно находилась в положении выбора между Западом и Россией, то уже сделанный выбор означал не урегулирование всех внешнеполитических проблем страны, а лишь более или менее окончательное определение союзников и противников. Поэтому подписание договора в Москве, на самом деле, имело своим следствием предотвращение для Турции вероятной борьбы на два фронта. Но одновременно оно определяло и тот фронт, где борьба должна была неизбежно продолжиться. Поэтому, выбрав Россию в политические союзники, Турция столь настойчиво требовала от нее оказания помощи деньгами и оружием для противостояния военному давлению со стороны стран Западной Европы. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин 10 марта 1921 г. писал наркому по делам национальностей И.В. Сталину «Турецкая делегация заяви-

1. *Avcioğlu D. Milli kurtuluş tarihi 1838–1995. İkinci kitab. İstanbul, 1993. С. 808.*

ла, что имеет императивный мандат заключить письменное, а не устное соглашение об оказании ей нами помощи оружием и золотом... Названная турками сумма в 150.000.000 рублей золотом есть, несомненно, запрос восточных людей. В прошлом году Бекир-Сами настаивал на 8.000.000 рублей золотом... Этот пункт играет по существу громадную роль, ибо сближение с нами дает туркам очень мало реального, если мы им не помогаем таким ощутительным образом. Если им не помочь, они могут фактически увидеть себя вынужденными изменить свою политику...»².

Сразу же после подписания договора в Москве (март 1921 г.) Россия предоставила Турции помощь оружием, а также выделила 5 млн. руб. (по некоторым источникам 4 млн. руб.) золотом из общей обещанной ею суммы помощи в 10 млн. руб.³ Турецкие исследователи отмечают, что вслед за суммой, полученной Турцией сразу же после московских переговоров в скором времени были получены еще 1,4 млн. руб. на покупку оружия в Германии⁴. Но впоследствии поступление помощи прервалось из-за взаимного сомнения сторон в политических намерениях друг друга, в частности, из-за попытки Турции в дополнение к территориальным приобретениям по Московскому договору оставить за собой еще и Александрополь, воспользовавшись возвращением к власти в Армении дашнаков.

Ситуация, сложившаяся вокруг Александрополя, явилась одной из причин, побудивших Советскую Россию приостановить выделение туркам помощи. Развитие событий вокруг Александрополя усугублялось настораживавшими российскую сторону фактами, которые свидетельствовали о продолжавшемся сближении Турции и Франции.

В марте 1921 г. Советская Россия подписала торговое соглашение с Англией. Прекращение российской помощи в этой ситуации было воспринято Турцией как жест России в пользу их общего на тот момент противника — Англии. Кроме того, некоторые турецкие авторы упоминают факт начавшегося в этот период установления контактов между Советской Россией и Грецией, ссылаясь на прибытие в западную Фракию советской делегации для ведения переговоров о подписании соглашения о дружбе и развитии торговли⁵.

В апреле 1921 г. Красная Армия стремительно начала развивать наступление на территории, находившейся под дашнакским правлением. Советская сторона ясно давала понять Турции необходимость соблю-

2. Турция: рождения национального государства. 1918–1923 (По документам РГАСПИ). М., 2007. С. 116.

3. *Avcioglu D.* Указ. соч. С. 822.

4. См., например, *Saray M.* Atatürkün Sovyet politikası. İstanbul, 1990. С. 75.

5. См. там же. С. 79.

дения Московского договора в новых условиях, когда советская власть в Армении оказалась восстановленной. Категорично прозвучало заявление Г.В. Чичерина, сделанное в ноте от 8 апреля 1921 г. на имя посла Турции в Москве Али Фуада: «Желать выполнения Александропольского договора равносильно аннулированию Московского договора»⁶.

5 июля началось наступление греков на Анкару, которое турецкая армия сумела успешно отразить. Подобный поворот событий убедило турок окончательно принять положительное решение по поводу укрепления российского направления своей внешней политики. В итоге в конце 1921 г. возобновилось предоставление финансовой помощи Турции со стороны Советской России. Остро стоял вопрос о размерах и сроках предоставления российской помощи. В сентябре 1921 г. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин писал наркому по делам национальностей И.В. Сталину «Наша восточная политика может потерпеть серьезный ущерб из-за финансового вопроса. Самые блестящие победы не спасут Турцию от отчаянного финансового положения. Турки почти ежедневно все в новых вариациях и формах пристают к нам насчет займа. Они все время указывают, что если сверх договорных 10 миллионов мы не дадим им теперь займы 50 миллионов рублей золотом, им придется искать милости Антанты»⁷.

Во время исторического визита в Турцию легендарного командарма М.В. Фрунзе, начавшегося в декабре 1921 г. Анкаре, был передан 1 млн. 100 тыс. руб.⁸ Комментируя результаты миссии Фрунзе поверенный в делах РСФСР В. Михайлов, писал Г.В. Чичерину в январе 1922 г.: «Заслуживают пристального внимания те проекты о более тесном экономическом, финансовом и военном сближении Турции с Россией, которые родились в наиболее передовых слоях турецкого общества... Осторожная разработка этих вопросов и некоторые первоначальные организационные шаги с нашей стороны были бы сейчас очень полезны. ...Обнадеживать турок нашей широкой экономической помощью, конечно, не приходится, но постановка вопроса о ней и его обоюдная разработка сыграли бы сейчас значительную политическую роль...»⁹. Схожие соображения высказал в своем письме Г.В. Чичерину от 1 марта 1922 г. полпред РСФСР при правительстве ВНСТ С.И. Аралов: «Пребывание тов. Фрунзе здесь оставило глубокий след... считают его большим другом Турции... с его выраженным желанием всеми доступными мерами помочь Турции мне приходится

6. См. там же. С. 54.

7. Турция: рождения национального государства. С. 120–121.

8. *Saray M. Atatürkün Sovyet politikası.* С. 76.

9. Турция: рождения национального государства. С. 148–149.

считаться, и потому я так часто запрашиваю о времени их исполнения»¹⁰. В этом же письме упоминаются и первые положительные результаты российской политики по финансовой и экономической поддержке Турции: «В настоящее время туркпра [т.е. турецкое правительство, — авт.] и, можно с уверенностью сказать, все городское и крестьянское население, армия благожелательно относятся к России. Русофильство в моде среди политиков. Крестьянство, солдаты, офицерство и интеллигенция смотрят с надеждой на Россию.

Правительство прислушивается к нашему мнению и ждет помощи. Настроение в пользу России»¹¹.

Эта же мысль звучит и в докладной записке С.И. Аралова Г.В. Чичерину от 24 февраля 1922 г.: «Положение РСФСР в настоящий момент исключительно благоприятное. Prestиж России растет, русофильство развивается Страна ищет помощи у своей северной соседки и обещает ей, этой соседке, отплатить сторицей в ближайшее время». С.И. Аралов считал исключительно важным закрепить достигнутое преимущество, используя и далее оправдавшие себя методы внешнеэкономической политики. В упомянутом выше письме от 1 марта 1922 г. он писал: «Работу на рынках Анатолии необходимо развивать теперь же, проводя политику хорошо организованного треста со всеми приемами, выработанными теорией и практикой картелей и трестов Америки, не останавливаясь перед организационными расходами и перед необходимыми убытками при первоначальной реализации товаров.

Политические и экономические результаты нашей смелости и активности или робкой осторожности и пассивного выжидания скажутся в самом непродолжительном времени. Тем более, что напор западного и американского капитала на Анатолию в настоящее время значительно усиливается»¹².

Итак, уже в начальный период отношений России и Турции были заложены традиции их экономической составляющей, которые впоследствии оставались неизменными на протяжении нескольких десятилетий: экономические отношения по своей сути представляли различные формы финансово-экономического донорства со стороны Советской России, а впоследствии СССР, обменивавшегося на определенные политические уступки или даже просто — общую политическую лояльность турецкой стороны. Подобный вектор развития отношений поначалу определялся стремлением нашей страны к преодолению внешнеполитической изоля-

10. Там же. С. 160–161.

11. Там же. С. 159.

12. Там же. С. 160.

ции, которое впоследствии сменилось более широкими планами по умножению числа союзных государств.

В случае с Турцией эффективность финансово-экономического донорства России, а впоследствии СССР, оказывалась, пожалуй, наиболее низкой: принимая помощь, турецкая сторона всегда могла ограничить число предлагавшихся в обмен внешнеполитических дивидендов, используя выгоды своего стратегического положения между Востоком и Западом. Иными словами, финансово-экономическая помощь нашей стороны в ряде случаев дополнялась помощью стран Запада, что, в конечном итоге, снижало зависимость Турции как от первой, так и второго или обеспечивало возможность выбора между ними.

В итоге достаточно очевидная политическая обусловленность экономической помощи со стороны Советов не всегда благоприятствовала ее принятию Турцией. К началу 1922 г., когда отношения сторон, казалось бы, достигли своего пика, начался первый период их заметного охлаждения. Российский турколог М.С. Мейер отмечал, что изменившуюся в пользу Анкары международную ситуацию М. Кемаль и его сторонники пытались использовать для укрепления независимости Турции, в том числе, от масштабных революционных планов Коминтерна, что исключало возможность сохранения союзнических отношений с Москвой¹³. Одновременно наблюдалось потепление в отношениях Турции с Францией и Англией.

К тому же и сам характер экономических отношений с Россией во многом перестал удовлетворять турецкую сторону. Миссия по продолжению упомянутой С.И. Араловым работы на рынках Анатолии была доверена Внешторгу. Начало его деятельности считалось успешным. «Внешторг сильно внедрился в Анатолии и во многих местах завоевал нефтяной рынок», — писал в декабре 1922 г. С.И. Аралов.¹⁴ Однако приблизительно в это же время началось так называемое наступление турецкой стороны на Внешторг с желанием запретить ему торговать. 19 июля 1923 г. полпред РСФСР при правительстве ВНСТ Я.З. Суриц писал зам. Наркома иностранных дел Л.М. Карахану: «Поход на Внешторг глубоко обдуман, вызван не отдельными его ошибками, а продиктован желанием сорвать его монопольный характер...

Наша экономическая политика в Турции ни в малой степени не способствовала росту нашего политического влияния. Совсем наоборот. Мы не учли, что органы нашей внешней торговли, по самой своей идее призванные сыграть роль барьера против натиска более сильного

13. Мейер М.С. Советско-турецкие отношения во время Лозаннской конференции в свете архивных документов // Турция в XX веке. М., 2004. С. 21.

14. Турция: рождения национального государства. С. 235.

капитала, в странах со слабо развитой экономической структурой превращаются в свою противоположность — в органы экономической эксплуатации. Мы далее не учли, что поскольку, основным лейтмотивом всей теперешней турецкой политики является борьба с капитуляцией, ...государственно-правовой статус Внешторга приобретает особую одиозность в глазах турок. В результате, вместо экономической базы, которая должна была бы закрепить наше политическое влияние в Турции, мы в лице Внешторга создали одно из главных препятствий к таковому.. Можно было бы спорить, допустимо ли превалирование экономических интересов над политическими, поскольку речь идет о Турции... На самом же деле, Внешторг, в общем и целом, работал и с коммерческой точки зрения для нас убыточно»¹⁵.

Таким образом, 20-е годы стали свидетелем и обратного влияния неудачных форм экономических отношений на развитие двусторонних политических связей.

30-е годы XX в. ознаменовались в Турции сменой курса экономического развития: на смену либеральной модели с использованием элементов государственной поддержки в развитии национальной частнопредпринимательской инициативы пришла модель этатизма. Она предполагала выход государственного вмешательства в экономику на новый гораздо более масштабный уровень, и в том числе, развитие государственного предпринимательства. В числе факторов смены модели экономического развития турецкие исследователи практически единогласно указывают на влияние СССР, который на фоне мирового экономического кризиса поражал успехами пятилеток индустриализации. К тому же имевшая место в 1931 г. попытка турецких лидеров получить поддержку США в осуществлении проектов индустриализации Турции успеха не имела.

В итоге стремление Турции использовать успешный опыт СССР приняло самые непосредственные формы. В 1932 г. в СССР с визитом прибыла делегация во главе с председателем совета министров Турции Исмет-пашой, которая побывала в Одессе, Москве и Ленинграде и посетила большое количество промышленных предприятий. По итогам визита была достигнута договоренность о том, что советская сторона предоставит Турции беспроцентный кредит в размере 8 млн. долл. золотом (16 млн. лир) сроком на 20 лет на условиях погашения поставками турецких товаров для закупки в СССР промышленного оборудования. Большинство турецких исследователей обращают внимание на весьма благоприятные условия кредита для Турции, которая в тот период ввиду мирового кризиса испытывала острый недостаток валюты. Затем в Турцию для под-

15. Там же. С. 253, 256.

готовки первого пятилетнего плана развития национальной экономики была приглашена делегация советских специалистов. По итогам ее работы был составлен отчет о состоянии экономики Турции, включавший список промышленных предприятий, которые следовало построить в ближайшие годы. Была составлена и финансовая смета в 45 млн. лир. Следовательно, приблизительно треть инвестиций предполагалось профинансировать за счет советского кредита. Автор книги «Супердержавы и Турция» М. Алтан признавал, что «значительная роль Советов в разработке первого плана развития Турции и обеспечение его реализации финансовыми источниками, успехи СССР в экономическом развитии в годы кризиса, а так же то обстоятельство, что турецким государственным лидерам была обеспечена успешная возможность в проведении плановой, частично авторитарной с большой ролью государства экономической политики обусловили отношение симпатии со стороны Турции»¹⁶.

Однако даже в первой половине 30-х годов, когда экономические контакты сторон достигли небывало высокого уровня, СССР не удалось занять монопольное положение в системе внешних финансовых связей Турецкой Республики: стремясь подчеркнуть то важное обстоятельство, что Турцию интересовал экономический опыт СССР, но не его система в целом, турецкая элита в начале 30-х годов пыталась наладить связи с Италией. В мае-июне 1930 г. состоялся визит в эту страну многочисленной турецкой делегации, итогом которого стало подписание соглашения о предоставлении турецкой стороне кредита в объеме 300 млн. итальянских лир. Треть суммы предназначалась для закупки в Италии оборудования¹⁷.

Дальнейшее развитие экономического сотрудничества с СССР стало наталкиваться на все более ощутимые препятствия. Дело в том, что, попытка свести модель этатизма к временному замещению государством частного сектора в наиболее капиталоемких отраслях хозяйства, требовавших безотлагательного развития, при одновременном создании властью для частного предпринимательства условий благоприятного роста, является явным упрощением сложной социально-экономической ситуации, в которой осуществлялась новая модель экономического развития Турции. Явно звучавшие оправдательные интонации в публичных выступлениях М. Кемаля (Ататюрка) середины 30-х годов, который после провозглашения республики являлся ее бессменным президентом, свидетельствуют о достаточно высоком уровне напряжения в обществе, связанного с переходом государства от политики поддержки частного предпринимательства к его замещению собственной предпринимательской деятельностью:

16. *Altan M. Süperler ve Türkiye. İstanbul, 1986. С. 64.*

17. Там же.

«Этатизм, проводимый в Турции, не является системой, напрямую позаимствованной из идей, которые пропагандируются теоретиками социализма Этатизм означает следующее: отдать основное преимущество частному предпринимательству, но в то же время, памятуя о том, что в прошлом многое не было сделано для удовлетворения потребностей великой нации и большой страны, позволить государству взять экономику страны в свои руки, чтобы в кратчайшее время сделать то, что был до сих пор не в состоянии осуществить частный сектор»¹⁸.

Об определенной борьбе внутри турецкого общества по вопросам государственного участия в экономике писал и советский историк А.Ф. Миллер, отмечая имевшие место уже в начале 30-х годов попытки противодействия этатизму со стороны «компрадоров и сблизившейся с ними части анатолийской торговой буржуазии», а также со стороны «прогрессистов и либералов»¹⁹. Во второй половине 30-х годов к сторонникам прежнего курса экономической политики, по мнению А.Ф. Миллера, «принадлежала лишь та часть турецкой буржуазии, которая не сумела или не успела занять позиций во внешнеторговых и банковских операциях (или же утратила их) и поэтому видела в развитии этатистской промышленности средство расширения внутреннего рынка и защиту от иностранного капитала». «К противникам этатизма — писал он далее — относилась прежде всего крупная буржуазия, занявшая место компрадоров и воспринявшая их интересы. Вмешательство государства в экономику и льготы, предоставляемые этатистской промышленности, рассматривались крупной буржуазией как препятствие на пути к “свободному” обогащению и более интенсивному привлечению иностранного капитала»²⁰. При этом уровень взаимоотношений турецких властей с СССР, по всей видимости, выступал своего рода индикатором глубины и последовательности этатистского курса в Турции. С учетом постепенного усиления оппозиционных настроений в среде турецкой буржуазии представляется вполне объяснимым такой шаг, как отставка министра экономики Мустафы Шерифа Озкана, радикальные шаги которого, по мнению турецких авторов, вызывали беспокойство деловых кругов, и выдвижение на этот пост Дж. Баяра. Прежде он возглавлял Деловой банк, который являлся неформальным символом поддержки республиканскими властями частного предпринимательства²¹. Одной из первых акций Дж. Баяра стало приглашение

18. *Ongun T., Seviğ V. The Story of Turkish Liberalization. Ankara, 1991. С. 8.*

19. См.: *Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М. — Л., 1948. С. 159—161.*

20. Там же. С. 193.

21. Часть уставного капитала банка была сформирована за счет личных сбережений М.К. Ататюрка, а также средств из партийной кассы находившейся

специалистов из США для мониторинга состояния турецкой экономики (в противовес подготовке пятилетнего плана делегацией специалистов из СССР).

С середины 30-х годов начался активный процесс англо-турецкого сближения, сопровождавшийся дальнейшим охлаждением в отношениях Турции и СССР. В 1936 г. прошли переговоры о строительстве английской фирмой «Брассерт» металлургического комбината в Карабюке, которые завершились подписанием контракта. Впервые о целесообразности строительства здесь металлургического комбината упоминалось в отчете советской делегации об итогах обследования экономики Турции.

В 1937 г. Дж. Баяр стал новым премьер-министром страны. В октябре он принял участие в советско-турецких переговорах, итогом которых стало подписание договора о торговле и мореплавании. 9 октября состоялось открытие текстильного комбината в Назилии — одного из крупнейших предприятий, построенных при финансовом и техническом участии СССР. Тем не менее, в декларации нового правительства Турции оценки советской политики, вопреки ожиданиям СССР, не нашли своего отражения». «Баяр — писал в этой связи заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков — должен был бы, хотя бы из чувства такта упомянуть о традиционной турецко-советской дружбе. Если он этого не сделал, то тем самым вольно или невольно создал впечатление, что новый кабинет не придает отношениям с СССР того значения, какое они имели прежде».

Война и последовавший затем рост напряженности в отношениях двух стран сделал возможным очередное оживление в их экономических отношениях лишь со второй половины 1950-х годов. Для советской стороны представлялось важным развитие отношений с Турцией — южным плацдармом НАТО, имевшим к тому же общую с СССР границу. Поэтому следовало создать своего рода стратегический противовес в турецкой внешней политике, который по мере сил и возможностей советской стороны уравнивал бы остававшееся по-прежнему тесным политическое и экономическое сотрудничество Турции с Западом. При этом в структуре советско-турецких отношений, как это повелось еще с 20-х годов, непременно должна была присутствовать экономическая составляющая как залог их политического успеха. Следует признать, что отношение турецкого общества к наметившемуся, в том числе, экономическому сближению с СССР было далеко неоднозначным: свою отрицательную роль сыграл территориальный вопрос, возникший в отношениях двух стран после войны. Так журналист турецкой газеты Улус (Ulus) Х. Ялчин писал: «Мы не можем принять от России ни военной, ни экономической помощи, поскольку

в тот период у власти Народно-республиканской партии.

мы уже имели опыт подсчета того, какова оказалась цена этой помощи»²². Однако опасения, обусловленные политическим прошлым, значили, по-видимому, меньше экономического будущего страны. Выступая в 1962 г. в турецком парламенте от имени фракции Народно-республиканской депутат Джюшкун Кырджа особо подчеркнул тот факт, что СССР помогает слаборазвитым странам, за что те расплачиваются поставками сельскохозяйственных товаров²³.

В итоге в 1967 г. СССР и Турция подписали соглашение о поставках оборудования, материалов и оказании Советским Союзом Турции услуг по строительству некоторых промышленных предприятий и условиях их оплаты²⁴. Что касается последнего пункта, то турецкой стороне были предоставлены целевые льготные кредиты на сооружение согласованных промышленных объектов. Льготный характере кредитов распространялся и на форму погашения: турецкая сторона должна была расплачиваться поставками своих экспортных товаров. Таким образом, СССР фактически вступил в экономическую конкуренцию с Западом, прежде всего США, за результативность политического сотрудничества с Турцией. Конечно, оценивая значения экономического сотрудничества сторон в период 60-70-х годов, следует признать, что отмеченный некогда еще основателями советского государства «рационалистичность» турецкой внешней политики не была утрачена за годы республиканского развития, но напротив, стала одним из ее основополагающих принципов. Турецкие экономисты в эти годы заинтересованно сопоставляли преимущества и издержки технико-экономического сотрудничества Турции с каждой из двух сверхдержав²⁵.

Но присутствовало и понимание важности и уникальности направлений экономического сотрудничества с СССР и того обстоятельства, что турецкой стороне было все же не все равно, с какой из двух сверхдержав его развивать. Турецкая исследовательница экономист Г. Казган писала: «...Турция, желавшая осуществлять индустриализацию, строить новые государственные предприятия не смогла получить необходимые технологии и кредиты на западе, обратилась к СССР и благодаря развитию сотрудничества с ним начала строить предприятия тяжелой промышленности»²⁶. Поэтому 1970-е годы, когда на фоне активных экономических

22. *Tellal E.* Uluslararası ve Bölgesel Gelişmeler Çerçevesinde. SSCB Türkiye ilişkileri 1953–1964. Ankara, 2000. С. 145.

23. Там же.

24. См. подробнее: СССР и Турция (1917–1979). М., 1981. С. 246.

25. См., например, *Altan M.* Süperler ve Türkiye.

26. *Казган Г.* Запад и турецко-российские отношения // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М., 2003. С. 139.

связей сторон развивался политический диалог, стали своего рода золотым периодом двусторонних отношений и свидетелями беспрецедентного выражения дружбы и признательности турецкого руководства Советскому Союзу. В декабре 1975 г. состоялся официальный визит в Турцию правительственной делегации СССР во главе с Председателем Совета министров А.Н. Косыгиным. Выступая на переговорах, премьер-министр Турции С. Демирель подчеркнул: «...Турция никогда не станет источником угрозы или других неприятностей для СССР. Наша политика честная. Мы никому не дадим использовать себя против Советского Союза. Мы полны решимости дальше развивать наши отношения, продвигаться вперед. Естественным результатом стало то, что граница СССР и Турции превратилась в границу мира»²⁷. Как сообщала турецкая печать, развитие двусторонних отношений заставило некоторые аналитические центры США заговорить о стремлении СССР «сблизить Турцию с социалистическим блоком». Особо подчеркивалось и то, что в 1976 г. Турция стала страной, которая получила от СССР самую большую экономическую помощь²⁸.

В вопросе получения долгосрочных политических выгод посредством развития технико-экономического сотрудничества с Турцией советская сторона действовала, последовательно соблюдая принципы, лежавшие в основе идеологизированной концепции экономического сотрудничества с развивающимися странами. Поэтому соглашение 1967 г. концентрировалось на сооружении крупных промышленных предприятий, исключительно для государственного сектора турецкой экономики. Что касается их отраслевой специализации, то предпочтение отдавалось объектам, относившимся к тяжелой промышленности.

Подобный подход имел своим результатом то, что выполнение соглашения 1967 г. приблизило достаточно ограниченный внутренний рынок страны, развивавшейся в рамках стратегии импортзамещения, к исчерпанию емкости по соответствующим видам продукции. Поэтому после реализации соглашения Турция нуждалась лишь в расширении некоторых из построенных объектов, но не в сооружении новых. К тому же наметившееся ослабление интенсивности технико-экономического сотрудничества сторон неудачно совпало с периодом мирового нефтяного кризиса 70-х годов, весьма глубоко затронувшего экономику Турции. И совсем уж невозможной использование прежних форм сотрудничества сделало принятие Турцией в начале 80-х годов в рамках антикризисной программы новой стратегии экономического развития, нацеленной на расширение использования рыночных факторов и, в том числе, на заме-

27. Родионов А.А. Турция: перекресток судеб. М., 2006. С. 71.

28. Там же. С. 75–76.

щение в промышленности государственного сектора частным. Таким образом, сложившийся экономический инструментарий, который в 60–70-е годы довольно успешно использовался для стабилизации политических отношений с Турцией, за короткое время оказался устаревшим, но осталась задача использования экономической заинтересованности партнера в советской стороне для повышения его политической лояльности. Поэтому сюжет, который мог бы экономически заинтересовать Турцию, предстояло найти заново. Это удалось успешно сделать, предложив долгосрочные поставки советского природного газа. Дабы укрепить заинтересованность Турции в закупках энергосырья из СССР, в текст соглашения 1984 г. была включена статья, в которой говорилось, что «советские внешнеторговые организации будут использовать выручку от экспорта в Турецкую Республику природного газа в основном на закупку на коммерческих условиях турецких товаров, исходя из возможностей турецкой стороны и потребностей советских внешнеторговых организаций»²⁹, что и происходило на практике до окончания существования СССР.

Таким образом, политический подтекст соглашения о газе, проявившийся в его нарочито выгодных для турецкой стороны платежных условиях, во многом объясняет, почему именно за счет советского газа начали обеспечиваться потребности Турции в данном виде энергосырья.

Именно в форме компенсации задолженности Турции за поставки природного газа турецкие фирмы начали подрядно-строительную деятельность на территории СССР.

Обобщая опыт развития всего комплекса турецко-российских отношений турецкий экономист-обозреватель А. Сезер так охарактеризовал общий вектор турецкой внешней политики: каждый лидер, начиная с решительного поворота к Западу, затем постепенно разворачивается (возвращается) к Москве³⁰.

Конечно, вопрос о том, насколько были оправданы финансово-экономические затраты нашей стороны, обеспечившие в целом позитивный ход развития двусторонних отношений с Турцией, остается открытым. Но несомненно, что советский период оставил нам богатый опыт налаживания и поддержания поступательной динамики этих отношений. И, возможно, сегодня мы продолжаем отчасти пользоваться плодами того положительного имиджа северного «соседа», который был создан усилиями наших предшественников.

29. См. N.C. Resmi Gazete, 07.12.1984.

30. *Sezer A. Türk-Rus ilişkilerinde eski adet, yeni bakış...* — www.aydinsezer.com.

«КАКИМИ ВЫ СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ РУССКИХ?»

Российско-Турецкий Исследовательский Центр (РУТАМ) заказал выполнение исследования на тему «Какими вы себе представляете русских?», полагая, что выявление того, как «глазами человека улицы» воспринимаются вопросы современного состояния российско-турецких отношений и некоторые другие проблемы, может дать интересные результаты¹.

Это исследование было осуществлено компанией «Синтез Пияса Араштырмалары», центр которой находится в Стамбуле. Работы проходили в период с 16 августа по 18 ноября 2004 г. с использованием техники индивидуального анкетирования по всей Турции на основе в общей сложности 1626 тестов, в том числе в вилайетах Стамбул (1009), Адана (127), Анталья (125), Анкара (116), Измир (101), Трабзон (74) и Самсун (74).

Данная работа направлена на выяснение вопроса о том, как при взгляде из Турции воспринимается Россия и российское общество. В ней отсутствовали какие-либо отборочные критерии, и применялся метод случайного опроса. Несмотря на отсутствие отборочных критериев, авторы работы стремились несколько повысить долю, прежде всего, молодых людей и представителей с высшим образованием.

1. Данное исследование было осуществлено по инициативе Российско-Турецкого Исследовательского Центра (РУТАМ) при участии в качестве спонсоров Энки, Группы Трои и Московского отделения Турецких авиалиний.

**МНЕНИЕ О БЛИЗОСТИ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИЕЙ И ТУРЦИЕЙ**
(частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Да	455	28.0
	Нет	951	58.5
	Мнения нет	220	13.5
Итого		1626	100.0

Наблюдается, что доля опрошенных, считающих Российскую Федерацию и Турцию близкими друг другу странами, осталась на уровне 28%. И напротив, доля тех, кто утверждает, что Российская Федерация и Турция не являются близкими друг другу государствами, равна 58.5%. Доля тех, кто не имеет мнения по данному вопросу, составила 13.5%.

**ЛИДЕР СТРАНЫ, ВОСПРИНИМАЕМЫЙ
КАК НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИЙ**
(частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Германия	447	27.5
	США	290	17.8
	Россия	152	9.3
	Англия	140	8.6
	Франция	125	7.7
	Италия	16	1.0
	Куба	15	0.9
	Азербайджан	12	0.7
	Все другие ответы	426	26,5
Итого		461	100.0

Выяснилось, что наиболее близким себе лидером иностранного государства турецкие граждане считали руководителя Германии Шредера.

Если 27.5% опрошенных сочли наиболее близким себе немецкого лидера, то 17.8% назвали наиболее близким себе американского лидера Буша. Российский лидер Путин, получив 9.3% голосов опрошенных, занимал в этом рейтинге третье место. За тремя лидерами этих стран следовали: английский лидер Блэр с 8.6% и президент Франции Ширак с 7.7%. Что касается той части опрошенных, которые в качестве наиболее близких себе называли лидеров других стран, то выяснилось, что при этом были названы имена 22 лидеров различных стран. Доля тех, кто не выразил никакого мнения, составила 17.2%.

Оказалось, что российского лидера наиболее близким себе считали 11.2% турецких мужчин. За Путиным следовали президент Франции Ширак и премьер-министр Англии Блэр. При подсчете же ответов женщин выяснилось, что российский лидер Путин остался позади Ширака и Блэра. Можно сказать, что лишь 6.1% турецких женщин сочли российского лидера Путина наиболее близким себе.

Российский президент Путин привлекает внимание как пятый лидер, которого 7.8% самой молодой части опрошенных считают наиболее близким себе. Вместе с тем, Путин выделяется как лидер, которого представители среднего и пожилого возраста в большей степени считают близким себе. В этом отношении он продвигается на третье место, получив 12.2% голосов представителей среднего и 10.7% голосов представителей пожилого возраста. Эти результаты могут считаться еще одним показателем того, что граждане среднего и пожилого возраста считают Россию более близкой себе страной по сравнению с представителями молодежи.

Российский президент Путин, занимающий в целом по Турции третье место, считается в наибольшей степени близким, прежде всего, в Анкаре и Стамбуле. В Стамбуле 11% опрошенных сочли Путина близким себе, а в Анкаре эта доля составила 9.5%. Российский лидер и в названных важнейших вилайетах занимает третье место. С другой стороны, в Самсуне Путин с 8.1 % голосов занимает четвертое место, следуя за французским лидером, а в Анталье с 5.6% голосов он следует за английским лидером, занимая то же место. В Адане, Измире и Трабзоне Путин оказался позади обоих названных лидеров и занял пятое место, получив соответственно 6.3%, 5.9% и 4.1% голосов опрошенных.

ЗНАНИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СНГ И РОССИЕЙ

(частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Да	396	24.4
	Нет	1126	69.2
	Мнения/ ответа нет	104	6.4
Итого		1626	100.0

По данным анкеты выясняется, что весьма значительная часть турецкого населения в количестве 69.2% не знает разницы между Содружеством Независимых Государств и Российской Федерацией. Только 24.4% опрошенных сказали, что знают разницу между ними, а 6.4% никакого ответа не дали. В результате можно сказать, что значительное большинство турецкого народа не знает, что между Содружеством Независимых Государств и Российской Федерацией имеется различие.

СОГЛАСИЕ С МНЕНИЕМ О ТОМ, ЧТО В ОТНОШЕНИИ КОММЕРЦИИ/ТУРИЗМА РОССИЯ ЯВЛЯЕТСЯ НАДЕЖНОЙ СТРАНОЙ

(частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Категорически согласен	150	9.2
	Согласен	439	27.0
	Не уверен	356	21.9
	Не согласен	456	28.0
	Категорически не согласен	208	12.8
	Мнения/ ответа нет	17	1.0
Итого		1626	100.0

На вопрос о том, является ли Россия надежной страной с точки зрения коммерции или туризма, 36.2% турецких граждан ответили положительно. Если, по мнению этой части опрошенных, Россия является надежной страной с точки зрения коммерции или туризма, то доля тех, кто

придерживается противоположной точки зрения и полагает, что Россия в этих отношениях не является надежной страной, составила 40.8%. Доля опрошенных, заявивших о своей неуверенности по этому вопросу, равна 21.9%. В свете полученных результатов можно сказать, что турецкие граждане, хотя и с небольшим перевесом, не считают Россию надежной страной с точки зрения коммерции и туризма.

**СОГЛАСИЕ С МНЕНИЕМ О ТОМ, ЧТО РОССИЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ПРОДОЛЖЕНИЕМ СССР**
(частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Категорически согласен	209	12.9
	Согласен	537	33.0
	Не уверен	382	23.5
	Не согласен	335	20.6
	Категорически не согласен	144	8.9
	Мнения/ ответа нет	19	1.2
Итого		1626	100.0

Выяснилось, что большинство турецкого населения в количестве 45.9% рассматривает Россию как образование, имеющее характер продолжения СССР. Доля же тех, кто придерживается противоположной точки зрения и считает, что Россия не является продолжением СССР, осталась на уровне 29.5%. Доля оставшихся неуверенными по этому вопросу равна 23.5%. Из этих результатов можно заключить, что большая часть турецких граждан рассматривает Россию как продолжение СССР.

**СОГЛАСИЕ С МНЕНИЕМ О ТОМ, ЧТО РОССИЯНЕ И ТУРКИ
ОБРАЗУЮТ СХОДНЫЕ ОБЩЕСТВА**
(частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Категорически согласен	89	5.5
	Согласен	311	19.1
	Не уверен	288	17.7
	Не согласен	551	33.9
	Категорически не согласен	367	22.6
	Мнения/ ответа нет	20	1.2
Итого		1626	100.0

Если доля тех, кто считает российское и турецкое общества схожими, осталась на уровне 24.6%, то сторонники того, что между этими двумя обществами имеется не сходство, а различие, составили 56.5%. Опрошенные же, заявившие о своей неуверенности, составили 17.7%.

Оказывается, что число тех, кто не придерживается мнения о сходстве, более чем в два раза превышает число тех, кто полагает наличие сходства между российским и турецким обществами. По этим результатам можно сказать, что с точки зрения турецких граждан между турецким и российским обществами особого сходства не имеется.

**СОГЛАСИЕ С МНЕНИЕМ О ТОМ, ЧТО НЕОБХОДИМО
УКРЕПЛЯТЬ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ**
(частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Категорически согласен	343	21.1
	Согласен	597	36.7
	Не уверен	262	16.1
	Не согласен	268	16.5
	Категорически не согласен	135	8.3

	Мнения/ ответа нет	21	1.3
Итого		1626	100.0

Выясняется, что значительное большинство турецких граждан в количестве 57.8% едины во мнении о том, что отношения с Россией должны еще более укрепляться. Доля же тех, кто не разделяет эту мысль, осталась на уровне 24.8%. Доля неуверенных составила 1 6.1 %. Таким образом, можно сказать, что в значительной степени турецкое население поддерживает мысль о дальнейшем укреплении отношений с Россией.

ПЕРВОСТЕПЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЕВРОСОЮЗОМ (частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Необходимо отдать первенство отношениям с Российской Федерацией	168	10.3
	Необходимо отдать первенство отношениям с Евросоюзом	1005	61.8
	Необходимо развивать отношения и с Российской Федерацией, и с Евросоюзом	402	24.7
	Мнения/ ответа нет	51	3.1
Итого		1626	100.0

Как выяснилось, на вопрос о том, необходимо ли в будущей политике Турции придавать большее значение отношениям с Российской Федерацией или отношениям с Евросоюзом, 61.8% опрошенных ответили, что большее значение следует придавать Евросоюзу. Только 10.3% турецких граждан заявили о необходимости отдать предпочтение отношениям с Российской Федерацией по сравнению с отношениями с Евросоюзом. Доля же тех, кто полагает необходимым считать отношения с ними важными в равной степени, составила 24.7%. Из этих результатов можно заключить, что турецкие граждане придают большее значение отношениям с Евросоюзом по сравнению с отношениями с Российской Федерацией.

ПЕРВАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРИ СЛОВЕ «РОССИЯ»
(частотная таблица)

	Частота	Доля в %
Проституция	546	33.6
Мороз	340	20.9
Водка	198	12.2
Культура/ искусство	157	9.7
Социализм/ коммунизм	153	9.4
Другие	124	7.6
Торговля женщинами	47	2.9
Отсутствие ответа	34	2.1
Торговля	15	0.9
Спорт	7	0.4
Туризм	5	0.3
Итого	1626	100.0

Выясняется, что когда турки слышат слово «Россия», им на ум, прежде всего, приходит слово «Проституция». У каждого третьего жителя Турции или, другими словами, у части населения, равной 33.6%, «Россия» ассоциируется со словом «Проституция». Если учесть, что еще и у 2.9% опрошенных на ум приходит торговля женщинами, то можно сказать, что у весьма значительной массы турецких граждан Россия отождествляется с проституцией.

Если 20.9% опрошенных представляют себе Россию как холодную страну, то доля тех, кто в первую очередь подумал о национальном русском напитке водке, составила 12.2%.

Что же касается тех, кто прежде всего подумал о культуре и искусстве россиян, то их доля составила 9.7%.

Кроме того, в глаза бросается то, что 9.4% опрошенных заявили о социализме или коммунизме как о своей все еще первой ассоциации при слове «Россия».

НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ ЖЕНЩИН

(частотная таблица)

	Частота	Доля в %
Красивы	934	57.4
Доступны	246	15.1
Нет ответа	134	8.3
Культурны	122	7.5
Со светлыми волосами	82	5.0
Прочее	59	3.6
Сексуальны, высокого роста, с длинными ногами	25	1.5
Проститутки, проституция	15	0.9
Верность	9	0.6
Итого	1626	100.0

При оценке того как турецкие граждане оценивают русских женщин, получается, что на большинство опрошенных в количестве 57.4% наибольшее впечатление производит красота русских женщин. Если к этой группе опрошенных добавить тех, на кого, по их словам, производят впечатление такие их физические особенности как светлые волосы, высокий рост и длинные ноги, то можно прийти к выводу, что 63.9% остаются под впечатлением внешности русских женщин. В целом можно сказать, что примерно у каждых двух из трех турецких граждан русская женщина ассоциируется с физическими особенностями.

Что же касается доли тех, кто полагает русских женщин легко доступными или в ответе в качестве их самой типичной особенности указал занятие проституцией, то она составила 16%. Одним словом, можно сказать, что каждый шестой турецкий гражданин рассматривает русскую женщину как занимающуюся проституцией.

Оказалось, что лишь 7.5% турецких граждан рассматривают культуру в качестве основной особенности российской женщины. Кроме того, доля опрошенных, отметивших верность русской женщины, составила 0.6%. Те, кто не имел определенного мнения, составили 7.9%.

**НАЛИЧИЕ ЗНАКОМЫХ СРЕДИ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**
(частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Да	461	28.4
	Нет	1165	71.6
Итого		1626	100.0

Если 71.6% опрошенных указали, что на протяжении своей жизни не имели знакомств с россиянами, то доля лиц, имеющих среди россиян одного или нескольких знакомых, составила 28.4%. Можно сказать, что у весьма значительной части опрошенных мнение о русских сложилось без непосредственных отношений с ними.

ХАРАКТЕР/ПРИЧИНА УСТАНОВЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
(частотная таблица)

		Частота	Доля в %
	Дружба	220	47.7
	Краткосрочная связь	104	22.6
	Коммерция	75	16.3
	Челночная торговля	35	7.6
	Семья	4	0.9
	Прочее	23	4.9
Итого		461	100.0

Большинство в количестве 47.7% из тех, кто имеет личное знакомство с гражданином Российской Федерации, характеризует эти отношения как дружбу. Те же, кто считает свои отношения краткосрочной связью, составляют 22.6%. Доля тех, кто состоит в коммерческих отношениях, равна 16.3%, из которых 31.8% занимаются челночной торговлей. Кроме того, у 0.9% опрошенных отношение с российским гражданином имеет семейный характер.

62.1% опрошенных были выбраны из Стамбула. Из оставшейся части в количестве 37.9% в работе участвовали: 20.6% из Аданы, 20.3%

из Антальи, 18.8% из Анкары, 16.4% из Измира, 12% из Трабзона и еще 12% из Самсуна.

35.5% опрошенных женщины, 64.5% — мужчины.

В данной работе, направленной на выявление мнений в целом молодых представителей, большую часть опрошенных в количестве 63.7% составила молодежь в возрасте ниже 30 лет. Если массив граждан в возрасте свыше 50 лет составлял 5.2%, то доля тех, кому свыше 60 лет, составила 1%. Наибольшая частотность по возрасту в количестве 30.3% относится к возрастной группе между 20—24 годами. Кроме того, средний возраст участников оценивается в 28.9 лет.

19.9% участников анкеты составляют студенты. По профессиональным группам за студентами следуют средние и мелкие ремесленники в количестве 11.6%, служащие в количестве 10% и домохозяйки в количестве 8.4%. Доля опрошенных, указавших, что они безработные, равна 7.4%.

Выяснилось, что большинство участников исследования в количестве 67.6% имеют среднее или высшее образование. Доля выпускников средних школ 37.8%, имеющие же более высокий образовательный уровень составили 29.8%.

С другой стороны, доля опрошенных, окончивших самое большое начальную школу, равна 18.4%. Доля тех, кто не окончил даже начальную школу, составила 2.6%, доля же не имеющих никакого образования в общей массе опрошенных составила небольшую часть в количестве 0.9%.

Научное издание

ОБРАЗ РОССИИ
И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУРЦИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

Верстка *А. Ельцева*

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001

Подписано в печать 05.11.2007
Формат 60х84/16. Бумага множ.
Усл. печ. л. 4,65. Уч.-изд. л. 4,1
Тираж 150 экз.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Зайцев